

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара
считаются безилатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 Апрелья.

СОДЕРЖАНИЕ: Непроторенная дорожка.—Заповѣдавшій докладъ.—Актеръ и театръ. П. М. Ярецъ.—Музыкальныя замѣтки. О.—Стихотвореніе. А. Мюссаръ-Викентьева.—Изъ Москвы. П. Яреца.—На порогѣ. Арсенія Г.—Письмо изъ Кіева. Н. Николаева.—иниціальная лѣтопись.—Объявленія.

№ 17.

Рисунки: Къ возобновенію «Горькой Сульбины» (3 рис.). А. Любимова.

Портреты: † М. М. Михайловича-Дольскаго, † А. Я. Воробьевой (2 портрета), А. П. Смирнова, I. В. Радзивилловича, В. О. Трахтенберга, В. А. Кожевникова и Л. Жданова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Въ разсрочку вносятся 4 р. при подпискѣ и 2 р. къ 1 Юня.

С.-Петербургъ, 22 Апрелья.

Недавнія гастроли А. И. Южина въ Бѣлградѣ не могли—и главное—не должны безслѣдно пройти для русскаго артистическаго міра. Если не ошибаемся, это первый опытъ, когда русскій актеръ явился въ нѣкоторомъ родѣ учителемъ. Необходимо сознаться, что театральное дѣло въ славянскихъ земляхъ поставлено въ довольно невыгодныя условія. А. И. Южинъ, принесшій съ собой великолѣпную технику и—по своему—образцовую школу, несомнѣнно, оказался желаннымъ гостемъ въ Сербіи, гдѣ театръ питается нѣмецкими традиціями и въ значительной мѣрѣ, нѣмецкимъ репертуаромъ.

Изъ всѣхъ родовъ культурнаго вліянія, болѣе легкій, удобный и пріятный есть безъ сомнѣнія—театральная гегемонія. Французскій театръ, напротивъ, сдѣлалъ гораздо болѣе для распространенія французскаго вліянія по бѣлу свѣту, нежели вся литература Франціи. Это истина давнымъ-давно извѣстная и давнымъ-давно повѣренная и опытомъ и жизнью...

Для нашего театра очень много простора въ славянскихъ земляхъ. Приходится только удивляться

неподвижности и косности русскаго актера, который, имѣя такую широкую возможность и такую, можно сказать, нетронутую почву, каковой являются славянскія земли, до сихъ поръ не воспользовался случаемъ играть передъ единоплеменной публикой. Играть передъ ней и, такъ сказать, просвѣщать, потому-что приходится открывать ей неизвѣстный міръ русской драмы и знакомить ее какъ съ русскимъ бытомъ и русской исторіей, такъ и съ русской школой сценическаго искусства.

Говорятъ, что будто-бы еще нѣсколько лѣтъ назадъ кое-кто изъ русскихъ предпринимателей переписывался съ славянскими правительствами. Но такъ какъ вѣрнаго—въ смыслѣ крупныхъ окладовъ—эти правительства не могли ничего обѣщать, то въ концѣ концовъ и не оказывалось охотниковъ на дальнюю экскурсію.

Случай или другія обстоятельства—привели русскаго актера въ эти невѣдомыя—невѣдомыя, по крайней мѣрѣ, для русскаго искусства—страны. И онъ здѣсь встрѣтилъ почетъ и радушіе, признаніе и любовь.

Казалось-бы, теперь дорога открыта. Казалось-бы, можно было-бы теперь отбросить ложный страхъ и пойти по новой дорогѣ, еще никѣмъ не проторенной. Дорога хоть эта и не совсѣмъ опредѣлена, но уже намѣчена. Это—даль... Какъ говорится у Майкова: «а даль-то, даль какъ широка!..»

Будемъ надѣяться, что не одна группа послѣдуетъ примѣру А. И. Южина и смѣло двинется въ путь. Въдъ и въ Сибирь прежде боялись ѣхать. Но стоило появиться пионерамъ-актерамъ, а затѣмъ и потянулись длинныя вереницы труппъ...

Впрочемъ, это—область частной инициативы. Мы какъ-то уже говорили, что участіе дирекціи Императорскихъ театровъ въ этомъ дѣлѣ явилось-бы величайшимъ культурнымъ актомъ. Дирекція могла-бы организовать правильныя поѣздки въ славянскія земли, утвердивъ тѣмъ самымъ разъ на всегда русскій репертуаръ въ этихъ земляхъ. А главное—

такія поѣздки сдѣлали-бы то, чего не могутъ сдѣлать русскіе газеты и политики. Онѣ подняли-бы значеніе русской культуры на Балканскомъ полуостровѣ. Для этого стоитъ поработать...

Подъ заголовкомъ «Голосъ изъ публики» нами полученъ небольшой докладъ В. К. Лилиенфельда, предназначавшійся для прочтенія на 2-мъ Сѣздѣ сценическихъ дѣятелей, но не успѣвшій къ сроку.

Изъ газетныхъ отчетовъ о настоящемъ Сѣздѣ я узналъ о мысли учредить акціонерное общество или товарищество, имѣющее цѣлью взять въ свои руки театральное дѣло въ Россіи устройствомъ общихъ труппъ, декораций и пр., и пр.

Боясь утомить вниманіе, я буду кратко и вмѣсто серьезнаго доклада постараюсь по возможности изложить только главные тезисы.

Допустимъ въ видѣ фантазіи слѣдующее:

Русское Театральное О-во приступило къ составленію устава акціонернаго Товарищества съ основнымъ капиталомъ въ 1 миліонъ руб.

Уставъ готовъ, получилъ надлежащую санкцію правительства, которое разрѣшило объявить подписку на 10 тысячъ акцій по 100 руб. каждая. Подписка дала блестящіе результаты. Акція разобрана. Миліонъ готовъ. Въ уставѣ сказано: всякая прибыль выше 60% на подписной капиталъ, т. е. въ данномъ случаѣ 60 т. руб. въ годъ, отчисляется въ особый фондъ для учрежденія пріютовъ, убѣжищъ, санаторій, пособій и пр. При такихъ задачахъ общество открываетъ свою дѣятельность. Прежде всего О-во позаботится о снятіи въ аренду нѣсколькихъ десятковъ провинціальныхъ театровъ, для каждаго города сформируетъ соответствующую труппу съ режиссеромъ. Труппы О-ва не должны засиживаться въ одномъ и томъ-же городѣ, но возможно чаще мѣнять свои мѣста. То, что набило оскомину въ одномъ городѣ, устарѣло, прѣлось и пр., можетъ дать въ другомъ городѣ блестящіе результаты. Для поощренія гг. артистовъ, всѣмъ имъ, помимо опредѣленнаго приличнаго содержанія, выдается извѣстная часть отъ чистой прибыли во всѣхъ городахъ, гдѣ означенное О-во имѣло въ арендѣ театръ. Чтобы не повредить интересамъ гг. настоящихъ антрепренеровъ, О-во приобретаетъ отъ нихъ или-же въ полную собственность, или-же на прокатъ все ихъ театральное имущество и т. д.

Смѣю думать, что, при оборудованіи такимъ путемъ провинціальныхъ сценъ, о голодныхъ и обиженныхъ артистахъ не будетъ болѣе рѣчи, такъ какъ прежде всего имъ гарантируется полное содержаніе по контрактамъ, а за симъ имѣется еще получить дополнительный дивидендъ по окончаніи сезоновь.

На основаніи вышеизложеннаго предлагаю:

1) просить совѣтъ Русскаго Театральнаго О-ва по возможности немедленно приступить къ составленію проекта устава акціонернаго театральнаго О-ва;

2) представить его на усмотрѣніе и утвержденіе правительства;

3) войти съ ходатайствомъ ко всѣмъ органамъ печати о возможно широкой огласкѣ означеннаго устава и приглашать публику сочувствіемъ и подпискою на акцію поддержать такое прекрасное дѣло.

Для начала дѣла, по утвержденіи устава, я лично подписываю 50 акцій по 100 руб. на сумму 5000 руб.

В. Кар. Лилиенфельдъ.

Актеръ и театръ.

(Отвѣтъ А. Р. Кувелю).

Вы мнѣ оказали незаслуженную честь, уважаемый Александръ Рафаиловичъ, признавъ, что статья моя „Искусство будней“ нуждается въ вашемъ возраженіи. Я не сказалъ ничего новаго, какъ вы сами замѣтили, и не старался сказать. Мнѣ кажется, что объ искусствѣ трудно сказать что либо новое. Искусство—святыня. О немъ нужно говорить сильно, ярко и проникновенно, или лучше молчать. Поэзію то называли „языкомъ боговъ“, то приписывали ей освѣжительныя свойства лимонада въ лѣтній день. Но поэзія оставалась поэзіей и тотъ, кто низвелъ ее до вкусовыхъ ощущеній, былъ самъ великомъ поэтомъ.

Я знаю, что вы не „старовѣръ“. Но вы также знаете, какъ я цѣню—не на словахъ!—ваше критическое чувство. Я бы могъ указать на примѣры, только это никого не удивитъ, въ томъ числѣ и васъ самихъ. За статьей „Искусство будней“ я могъ предполагать лишній взглядъ изъ многихъ для уясненія истины. Я думалъ, что стоитъ быть искреннимъ, чтобы не оказаться въ существенномъ противорѣчій съ вами. И я продолжаю такъ думать.

Лѣтъ десять тому назадъ въ числѣ многихъ „новыхъ словъ“, какъ тогда называли, было: „наше время не признаетъ необходимости быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію“. Съ поправкой нѣкоторыхъ, недостаточно сильныхъ и опредѣленныхъ вліяній, эта формула кажется мнѣ приложимой и къ настоящему времени. И для меня несомнѣнно, что если подобное время создастъ театръ, то никакой другой, какъ московскій Художественный.

„Вы не признаете геройства“—театръ растворитъ художественную индивидуальность актеровъ въ тѣхъ вліяніяхъ, какимъ вы подчинили свою жизнь. „Вы не вѣрите въ возможность идеальныхъ людей, иначе въ волю“—театръ дастъ ту жизненную „блѣдную немочь“, въ которую вы вѣрите. „Вы возвращаетесь къ пантеистическому міросозерцанію“—вотъ театръ, гдѣ актеры—аксессуары, аксессуары—актеры, и художникъ режиссеръ.

Смотрите: какъ живутъ въ Норвегіи, какія усталыя лица у „сестеръ“, какъ красиво разсвѣтъ въ Ярилинной долині, какъ смѣшно ходитъ Штокманъ, какія мрачныя тѣни даютъ темные углы въ боярской думѣ! Слушайте: какъ стучатъ лошади по мосту, ноги бояръ по крыльцу, какъ истерично рыдаетъ Ирина, какъ тревожно кричатъ гуси на озерѣ, какимъ сиплымъ голосомъ говоритъ простуженный Гауффке! Чувствуйте: какъ холодно красива и какъ нелѣпа жизнь!

Безъ сомнѣнія, „дѣло не въ томъ, что изображается на сценѣ театра, какой мѣръ, будни или праздникъ“, но всѣ изображенія окрашиваются міросозерцаніемъ, которое я не умѣю иначе назвать, какъ „будничнымъ“. И я назвалъ Московскій Художественный театръ „искусствомъ будней“—искусствомъ для будней. Его публика—не публика грубопатріотическихъ пьесъ или пикантныхъ сюжетовъ. И не та публика, которая шла въ театръ, какъ въ свѣтлый храмъ.

Не находя въ Московскомъ Художественномъ театрѣ героизма, экстаза, оргіи таланта, вы считаете этотъ театръ „буднями искусства“. Съ моей точки зрѣнія, такихъ проявленій сценическаго творчества на его сценѣ не только нѣтъ, но и не можетъ быть. Московскій театръ—глубокія будни сценическаго искусства. Позволю сказать, что съ развитіемъ театра искусству актера, мнѣ кажется, вообще, все болѣе и болѣе стѣсняется просторъ. Театръ развивается не въ его направленіи. Я не говорю о томъ, хорошо ли это, или дурно. Если хотите, это очень дурно. Но это не значитъ, что искусство актера умалывается: оно только становится очень труднымъ искусствомъ. Можетъ быть, актеры Художественнаго театра и не такъ бездарны, какъ кажутся, но они должны быть почти гениальными, чтобы проявить себя на его сценѣ.

Вы видите „разногласіе“ между нами въ томъ, что „дѣло не въ оригиналѣ, который можетъ быть разъ-будничнымъ, а въ искусствѣ живописца, которое будничнымъ (то есть, не искусствомъ, какъ я понимаю) быть не должно“. Я оцѣниваю въ московскомъ театрѣ работу режиссера и она мнѣ ка-

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

Къ возобновленію «Горькой судьбины». III-й актъ.

Рас. А. Любимова.

жется не будничной, а творческой работой. Я понимаю, что если для „Штокмана“ поѣхать въ Норвегію и цѣликомъ перенести на сцену обстановку любого врача изъ мѣстечка на водахъ, то это будетъ экспериментализмъ. Но если пересмотрѣть много обстановокъ и *создать* квартиру Штокмана въ связи съ замысломъ пьесы, какъ онъ понять, открытую до каждаго уголка, какъ открыта душа Штокмана, то это будетъ нѣчто другое. Я вижу творчество и въ выборѣ матеріальныхъ формъ, къ которымъ, какъ вы прекрасно говорите, приближается „подобіемъ“ московскій театръ. Онъ даетъ лишь подобія отдѣльных образовъ, но онъ въ силахъ сообщить и общааетъ творческій образъ цѣлому: чеховской драмѣ, сказкѣ Гауптмана, сказкѣ Островскаго. Я видѣлъ „Потонувшій колоколь“ въ исполненіи нѣмецкой труппы—это была феерія; въ даровитой труппѣ петербургскаго Художественнаго театра—это была сказка; въ московскомъ театрѣ это была „сказка нашихъ дней“, снова всплывшаго стараго спора между Императоромъ и Галлилеиномъ. И мнѣ кажется, что такого результата нельзя достигнуть экспериментальнымъ путемъ.

Я думаю, что работа режиссера московскаго художественнаго театра—творчество, самый театръ—„искусство для будней“ и „будни“ сценическаго „искусства“. Я знаю, что если вступаю въ противорѣчіе съ вами, то или потому, что не въ силахъ яснѣе выразить свою мысль, или я не обладаю чувствомъ искусства. И то, и другое очень грустно для меня, но я не умѣю писать яснѣе и не могу притвориться презирающимъ московскій художественный театръ, хотя нигдѣ не называлъ его „великимъ“.

Покойный Коровяковъ приводитъ интересный разговоръ двухъ зрителей. Дѣло происходитъ въ на-

чалѣ послѣдняго акта „Дамы въ камелияхъ“—„Смотрите, какъ внимателенъ режиссеръ“, сказалъ одинъ другому: „на каминѣ у Маргариты нѣтъ цѣнныхъ вещей—она ихъ заложила во время болѣзни“—„Я нахожу, что режиссеръ поступилъ очень дурно, заставивъ васъ обратить на это вниманіе, когда на сценѣ изображаются страданія Маргариты“, отвѣчалъ ему сосѣдь. Первый зритель коровяковскаго разсказа былъ правъ, относя къ режиссеру свое впечатлѣніе. Второй зритель былъ также правъ, ища въ театрѣ впечатлѣній отъ актера. Въ смѣшеніи театра и актера кроется на мой взглядъ зерно двухъ мнѣній о значеніи „вышшихъ подробностей“.

Я глубоко вамъ признателенъ, уважаемый Александръ Рафаиловичъ, за возможность говорить съ вами печатно, которую вы мнѣ доставили. Она останется надолго для меня пріятнымъ воспоминаніемъ.

П. Ярцевъ.

Музыкальныя замѣтки.

Притягательнымъ явленіемъ послѣдней недѣли были два концерта придворнаго оркестра. Давно ходили слухи о намѣреніи начальника этого оркестра, барона К. К. Штакельберга, расширить кругъ дѣятельности подвѣдомственнаго ему учрежденія. До сихъ поръ публика могла слушать придворный оркестръ или лѣтомъ въ Петергофѣ, гдѣ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ репертуаръ являлся сравнительно ограниченнымъ, или на репетиціяхъ въ залѣ на Екатерининскомъ каналѣ, куда попадаютъ только очень немногіе, прежде всего вслѣдствіе совсѣмъ небольшихъ размѣровъ залы. Теперь съ Высочайшаго разрѣшенія концерты даются въ залѣ Пѣвческой капеллы, откуда потомъ могутъ быть перенесены въ болѣе обширное помѣщеніе, смотря по тому какъ отнесется къ нимъ публика. Успѣхъ эти

концерты должны найти несомненно. Придворный оркестръ, болѣе чѣмъ всякій иной, находится въ выгодныхъ условіяхъ для подготовленія вполнѣ художественнаго исполненія. Онъ не стѣсненъ матеріальными условіями, можетъ дѣлать столько репетицій сколько его дирижеръ найдетъ необходимымъ; его составъ изъ превосходныхъ силъ а затѣмъ участіе въ концертахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, артистовъ какъ Императорской оперы, такъ и вообще лучшихъ солистовъ, приѣзжающихъ въ Петербургъ, обезпечиваетъ успѣхъ дѣлу. Остается выборъ программъ. Въ этомъ отношеніи предъидущая дѣятельность придворнаго оркестра и его руководителя, барона Штакельберга, является ручательствомъ дальнѣйшаго правильнаго взгляда на дѣло. Программы концертовъ придворнаго оркестра всегда были привлекательны; составители ихъ слѣдятъ за движеніемъ искусства. Въ нихъ мы имѣли уже случай слышать такія значительныя произведенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ, которыя безъ этихъ концертовъ можетъ быть еще бы долго не дошли до насъ.

Такъ въ первомъ концертѣ, кромѣ кантатъ Баха, исполнено нѣсколько религиозныхъ сочиненій Верди,—между прочимъ оригинальное Ave Maria, написанное на предложенный композитору Cantus firmus, казалось бы совсѣмъ не подходящій для обработки. Во второмъ дали «Заговоръ цвѣтовъ», музыкально-сатирическую драму Бурго-Дюкурэ и «Коронаціонную кантату» г. А. Глазунова. Верди, конечно, не религиозный композиторъ и самый его знаменитый Реквиемъ представляетъ, строго говоря, только попытку приложенія огромнаго драматическаго таланта къ иллюстрированію подходящаго для него драматическаго церковнаго текста,—въ данномъ случаѣ гимна «Dies irae». Но задача отлично подошла къ строю его таланта, рѣшена имъ блистательно, какъ раньше была рѣшена другимъ композиторомъ-драматургомъ, Берлиозомъ, написавшимъ одинъ изъ грандіознѣйшихъ и наиболѣе яркихъ реквиемовъ, существующихъ въ музыкальной литературѣ. Для Ave Maria и вообще для небольшихъ религиозныхъ сочиненій Верди, конечно, потребовался иной стиль, чѣмъ для Реквиема, но основныя черты трагической музы Верди остались замѣтными и здѣсь.

Бурго-Дюкурэ извѣстенъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ давно, но исключительно только какъ авторъ двухъ сборниковъ новогреческихъ и бретонскихъ пѣсенъ, въ особенности по первому изъ нихъ. Этотъ сборникъ, вышедшій лѣтъ двадцать пять назадъ, отличается не только интереснымъ выборомъ мелодій, но тонкою и остроумною ихъ гармонизаціею. Ему предпослано также обстоятельное предисловіе, его сопровождаютъ теоретическія замѣчанія разнаго рода, показывающія, какъ внимательно и широко авторъ отнесся къ своей задачѣ. Въ смыслѣ теоретическихъ объясненій этотъ сборникъ превышаетъ всѣ существующія сборники народныхъ пѣсенъ, гдѣ-бы таковыя ни были изданы. Предисловіе къ первому выпуску русскихъ пѣсенъ, собранныхъ покойнымъ Ю. Н. Мельгуновымъ и изданныхъ въ Москвѣ, является только жалкою карикатурою, неудачнымъ стремленіемъ скопировать научность взглядовъ, положенныхъ Бурго-Дюкурэ въ основу его сборника. Повидимому, стремленіе къ теоретическимъ работамъ превѣсило у французскаго автора стремленіе къ непосредственному творчеству.

Онъ написалъ—тоже приблизительно лѣтъ двадцать назадъ оперу «Тамара», сатирическую драму «Заговоръ цвѣтовъ», нѣсколько романсовъ—и на этомъ остановился. Всѣ названныя произведенія повидимому не встрѣтили успѣха во Франціи, если судить по тому, что давно о нихъ уже не упоминается. «Заговоръ цвѣтовъ» уже исполнялся въ Парижѣ раза три при концертной обстановкѣ и затѣмъ тоже разговоръ о немъ умолкъ. Между тѣмъ онъ заслуживаетъ полнаго вниманія; авторъ въ немъ далъ ясное доказательство не только своихъ теоретическихъ знаній или художественнаго вкуса но и даровитости вообще. Кромѣ музыки имъ-же написанъ и текстъ. Здѣсь въ сжатой формѣ (двѣ картины) равняющіяся одному оперному дѣйствію) нарисовано возстаніе цвѣтовъ противъ правящихъ ими законовъ природы. Цвѣты желаютъ обезпечить себѣ независимую и свободную жизнь. Попытка, конечно, кончается неудачею для прелестныхъ заговорщиковъ; геній обстоятельно доказываетъ имъ, что природа поступила мудро, давши имъ опредѣленное а не иное какое назначеніе. Текстъ—вообще бойкій и живой. Такимъ-же характеромъ отличается и музыка. Живые ритмы, ясно опредѣленная мелодика, изящныя и смѣлыя гармоніи, немножко банальности (напримѣръ, въ мартѣ цвѣтовъ), всегда встрѣчаемой у французовъ даже при большихъ замыслахъ,—наконецъ хорошая звучность голосовъ и оркестра. Все оставляетъ пріятное впечатлѣніе; даже немножко диву даешься, почему такое граціозное произведеніе какъ «Заговоръ цвѣтовъ», не нашло на роднѣйшомъ почвѣ, котораго оно заслуживаетъ? У насъ не понравилось, тѣмъ болѣе что исполненіе оркестромъ хоромъ (Архангельскаго) и солистами было замѣчательно дружно. Солистами явились г-жи Буткевичъ, Фриде, Черкасская, Михайлова, Рунге, Жеребцова-Евреинова и г. Касторскій (геній).

Понравились отдѣльные номера изъ «Коронаціонной кантаты» г. Глазунова, именно молитва, отлично спѣтая г. Чуп-

рынниковымъ (была повторена), квартетъ (г-жи Рунге, Фриде, гг. Чупрынниковъ, Серебряковъ) съ граціознымъ оркестровымъ сопровожденіемъ и финалъ, гдѣ несомненно чувствуется подъемъ настроенія. Первые же четыре номера кантаты не интересны и не производятъ впечатлѣнія ни звучностью, ни музыкальнымъ содержаніемъ. Правда, что трудно было что нибудь и написать на такой не музыкальный текстъ, какъ текстъ кантаты г. Глазунова. Дирижировалъ обоими произведеніями г. Варлихъ со свойственными ему одушевленіемъ и вкусомъ.

Въ Маринскомъ театрѣ идутъ обычные по веснѣ дебюты, изъ которыхъ какъ всегда ничего не выходитъ или очень мало. Собственно говоря, нельзя понять—зачѣмъ даются эти дебюты? Труппа такъ велика и порядки въ ней организованы такимъ образомъ, что большинство составляющихъ ее артистовъ сидятъ безъ всякаго дѣла, получая жалованье и не испытывая какъ слѣдуетъ своихъ силъ. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ могли бы попробовать себя толкомъ весною въ хорошихъ и новыхъ партіяхъ; но являются дебютанты, которымъ къ тому же, точно школьникамъ, по старой привычкѣ, даются все старыя и заѣзженныя оперы. Въ результатѣ отъ этихъ дебютовъ—скука смертная, ни малѣйшей пользы дебютантамъ, такъ какъ дебюты, въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время, являются своего рода забавою и отводомъ глазъ и помѣха артистамъ уже находящимся въ труппѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать, что артисты работаютъ если они спуютъ въ сотый разъ Сусанина, или князя, или Марселя, или Аиду и тому подобныя партіи. Ни въ какой европейской столицѣ большая сцена не бываетъ ареною для дебютантовъ. Если такія сцены приглашаютъ новыхъ артистовъ, то знаютъ хорошо оно обращаются; въ свою очередь и приглашаемые артисты не нудятся въ школьномъ дебютѣ, хотя бы были изъ молодыхъ и начинающихъ; они являются всегда вполнѣ готовыми. Слѣдовало бы и у насъ бросить устарѣлую систему дебютовъ. Давайте новымъ пѣвцамъ закрытую пробу, если не довѣряете ихъ способностямъ, но не портите и не путайте неизвѣстно ради какой цѣли и репертуара и артистовъ, уже находящихся въ труппѣ. Новые артисты должны обязательно выступать въ новѣйшихъ операхъ, хотя бы Вагнера, если это требуется репертуаромъ. Вообразить же, что оселкомъ ихъ дарованія и умѣнія долженъ быть непременно «Фаустъ», «Сусанинъ», «Ратмиръ», «Людмила», «Антонида» и другія партіи запѣтаго репертуара, не позволяющія отступить отъ традиціи,—значитъ идти по избитой дорогѣ, которая никуда не приводитъ. Не заставляютъ же молодыхъ виртуозовъ, вышедшихъ уже на самостоятельный путь, обязательно играть концерты Моцарта, Гуммеля, Мендельсона или хотя бы и Шумана. Въ нашемъ же оперномъ театрѣ это возможно; тамъ отъ рутинныхъ взглядовъ отрѣшиться не могутъ, не обращая вниманія какія практическія слѣдствія выходятъ отъ этого.

Еще курьезнѣе впечатлѣніе производитъ порою самый сборъ лицъ, допущенныхъ къ дебютамъ. Иногда дебютируютъ такіе пѣвцы, что начинаешь сомнѣваться—хорошо ли понимаютъ пѣніе заправила нашей оперы. Вотъ, напр., назначено было цѣлымъ три дебюта г-жѣ Эйгиной, пѣвицѣ якобы парижской оперы, неожиданно появившейся въ Петербургѣ послѣ того, какъ раньше она здѣсь пѣла въ спектакляхъ, устраивавшихся въ какихъ-то клубахъ. Думаемъ, что если г-жа Эйгина при своемъ теперешнемъ искусствѣ съ успѣхомъ пѣла въ Парижѣ, то ей тамъ и слѣдовало оставаться, а не беспокоить нашъ театръ.

Тотъ, кто рекомендовалъ ее послѣднему, не оказалъ хорошей услуги ни театру, ни дебютанткѣ. Голосъ у нея есть и довольно симпатичный по характеру звука; нельзя отрицать и того, что дебютантка работала надъ нимъ. Но законченность еще такъ далека отъ нея, ея голосъ такъ слабо установленъ, или ея слухъ такъ невѣренъ, что о большихъ партіяхъ ей нечего и думать—на столичныхъ или на иныхъ сценахъ. Ей надобно учиться, а между тѣмъ неизвѣстно почему ради нея взяли два вечера въ репертуарѣ, нарушили правильное теченіе послѣдняго и все это безъ всякаго толка. Г-жа Эйгина должна была выступить въ третій разъ (въ Антонида), но по счастью (для рецензентовъ, по крайней мѣрѣ) заболѣла.

Другіе дебютанты, г. Орѣшкевичъ, г-жа Бунакова, тоже не произвели особенно выгоднаго для себя впечатлѣнія. Исключеніемъ явился только г. Орловъ. Но его нельзя считать дебютантомъ. Это бывший артистъ московской казенной оперы, пѣвшій въ Москвѣ лѣтъ семь кряду, стало быть человѣкъ опытный, артистъ готовый. Его, кажется, переводятъ на нашу сцену. У насъ онъ выступилъ въ роли Мефистофеля и провелъ ее хорошо какъ въ сценическомъ, такъ и въ вокальномъ отношеніяхъ, безъ особенно яркихъ отбѣнокъ въ положительномъ смыслѣ, но и безъ недостатковъ или промаховъ въ чемъ либо. вмѣстѣ съ нимъ выступилъ—въ партіи Фауста—г. Лабинскій. Но этотъ молодой теноръ принадлежитъ къ составу нашей оперы, хотя и на второстепенныя роли. Партію онъ спѣлъ мило. Мнѣ кажется, что его голосъ долженъ развиваться.

ХРОНИКА

Театра и искусства.

Въ „Собрании узаконеній“ опубликовано объ учрежденіи съ 1-го іюля въ Москвѣ попечительство о народной трезвости.

* * *

Въ понедѣльникъ, 23 апрѣля, въ Александринскомъ театрѣ въ «Блестящей карьерѣ» будетъ дебютировать г-жа Морская, бывшая артистка театра Соловцова. Второй дебютъ въ «Закачѣ» состоится 26-го.

* * *

Надворный совѣтникъ Трубочевъ назначенъ пензоромъ драматическихъ сочиненій при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Г. Трубочевъ назначается на мѣсто вышедшаго въ отставку А. Ф. Крюковского.

* * *

Московскія вѣсти.

На-дняхъ въ Новомъ театрѣ состоялся послѣдній дебютъ тенора Южина, который, по слухамъ газетъ, подписалъ съ дирекціей Императорскихъ театровъ контрактъ на два года.

Организуется, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.», новое Общество распространенія національной музыки въ Россіи.

Товарищество русской Частной оперы составилось изъ 15 насевъ, по 5,000 каждый. Изъ этихъ насевъ 10 уже разобраны. Въ число пайщиковъ вошли: А. В. Секаръ-Рожанскій, Е. Я. Цвѣткова, И. А. Швелевъ и М. А. Морозовъ, взявшій нѣскольکو насевъ. К. С. Винтеръ, вмѣсто денежнаго вклада, включаетъ въ дѣло театральное имущество и библиотеку.

На-дняхъ въ конторѣ Императорскихъ театровъ состоялось первое засѣданіе репертуарной комиссіи. Рѣшено на будущій сезонъ избрать новый репертуарный совѣтъ.

* * *

На новый конкурсъ, устроенный театромъ Литературно-Художественнаго Общества, до сихъ поръ прислано 12 пьесъ.

* * *

Въ Александринскомъ театрѣ продолжаютъ дебюты. Въ Петербургѣ господствуетъ политика «открытыхъ дверей» въ противоположность московской системѣ закрытыхъ, хотя московскій Малый театръ гораздо болѣе нуждается въ обновленіи и пополненіи труппы, нежели петербургскій Александринскій. На истекшей недѣлѣ состоялись дебюты г-жи Шавровой, г. Смирнова и Діевскаго.

Г-жа Шаврова выступила въ «Дикаркѣ» — пьесѣ, которую пора-бы давно сдать въ архивъ, за выслугу лѣтъ. «Дикарка» утратила прелесть молодости, а въ этой молодости была вся ея «beauté de diable». Г-жа Шаврова производитъ впечатлѣніе опытной и умѣлой актрисы. У нея чувствуется неподдѣльный комизмъ, естественность и живость тона. Но по фигурѣ г-жа Шаврова тяжеловата для «дикарки».

Г. Смирновъ выступилъ пока въ роли Флора Оедулыча, въ воскресенье-же дебютируетъ въ роли Расплюева. Положимъ пока высказываться объ этомъ артистѣ. Въ роли Флора Оедулыча г. Смирновъ произвождаетъ впечатлѣніе серьезнаго и опытнаго актера, но дѣлавшаго, какъ говорится, не свое дѣло. Отсюда — нѣкоторая сухость тона и связанность игры. Предъ глазами зрителя стоитъ фигура г. Писарева, которому въ роли Флора Оедулыча можно «удивляться, но не подражать».

Третій дебютантъ — г. Діевскій выступилъ въ качествѣ Фердинанда въ «Коварствѣ и Любви». Превзойти г. Аполонскаго нельзя сказать, чтобы было очень трудно, но г. Діевскій отнюдь не превзошелъ его. Г. Діевскій — актеръ «субтильный», больше лирическій любовникъ, чѣмъ драматическій, для ролей, вроде Жюффра изъ «Принцессы Грезы». Онъ обладаетъ мягкимъ, но необширнымъ голосомъ, и нѣкоторою медоточивостью тона. Темпераментъ его маленькій, лишенный героизма. Говорятъ, онъ хорошо игралъ «Царя Оелора». Этого одного достаточно для того, чтобы нехорошо играть Фердинанда. Это — два полюса. Плоховата у г. Діевскаго и мимика, движенія мало живописны, зато дикція хорошая и явственная.

* * *

Театръ „Буффъ“. На Фонтанкѣ близъ Исаимловскаго моста закончено новое зданіе театра, представляющее очень изящную и солидную для лѣтняго времени постройку. П. В. Тумпаковъ затратилъ на эту постройку болѣе 200,000 руб.

Театръ построенъ изъ желѣза и камня и рассчитанъ на 1200 человѣкъ. Сцена отвѣчаетъ послѣднему слову театральной техники. На верху сцены устроены особыя приспособленія, а внизу особый люкъ, и благодаря этому является возможность производить смѣну декораций, не опуская занавѣса.

Освѣщеніе — ослѣпительное. Достаточно сказать, что 2000 лампочекъ накаливанія будутъ только на сценѣ.

По бокамъ театра отлично отдѣланныя уборныя для артистовъ. Высота уборныхъ превышаетъ 6 аршинъ.

Справа и слѣва отъ сцены возведены два яруса ложъ. Позади театра грандіозныхъ размѣровъ декоративная мастерская, съ обширной залой, рассчитанной также и для репетицій.

Кромѣ театра, вновь выстроена обширнѣйшая желѣзная веранда, потолокъ и задняя стѣна которой покрыты „издѣліемъ“ извѣстнаго Гобе, боковыя же стѣны сплошь уставлены зеркалами. Веранда такъ устроена, что несмотря на далекое разстояніе можно все видѣть, что происходитъ на сценѣ.

Садъ на всемъ своемъ громадномъ пространствѣ засаженъ цвѣтами и деревьями. Все будетъ залито „моремъ электричества“. Это — совсѣмъ на европейскій манеръ, и надо сознаться, что этотъ лѣтній театръ и садъ представляютъ „шагъ впередъ“ въ нашемъ лѣтнемъ сезонѣ.

Строителемъ всѣхъ этихъ сооруженій является извѣстный въ Петербургѣ архитекторъ-академикъ П. В. Рѣзвый.

Въ заключеніе о труппѣ, которая будетъ подниматься въ новомъ театрѣ „Буффъ“. Зрѣлища будутъ состоять изъ русской оперетки, кафе-концерта и балета. Оперетка сформирована очень сильная, изъ лучшихъ современныхъ артистовъ. Г-жи Вяльцева, Раисова, Муратова, Вауаръ, Варламова, Дальская (молодая артистка, соперничавшая зимою въ Харьковѣ съ г-жей Смолиной) и др.; гг. Рутковскій, Сѣверскій, Дальскій, Глуминъ, Брянскій, Каменскій и др. Режиссеромъ приглашенъ г. Брянскій. Капельмейстеромъ г. Вивьенъ. Балетъ подъ управленіемъ г. Нѣжинскаго при участіи prima ballerina assoluta де-Ляго-стини изъ Миланскаго „La Scala“.

Для кафе-концерта приглашены извѣстная испанка Гурреро, „молочная сестра“ Отеро, какъ острять въ Парижѣ, Сернэ, изъ театра „La Cigale“, далѣе куплетисты французскій г. Фраксонъ, русскій г. Молдавцевъ и др.

Открытіе, какъ говорятъ, послѣдуетъ 28 апрѣля. Въ нѣкоторомъ родѣ подарокъ петербургскій лѣтнему сезону — эта новая затѣя энергическаго антрепренера.

* * *

Предстоящій лѣтній сезонъ окончательно выяснился. Кромѣ театра г. Тумпакова, будетъ лѣтомъ другая оперетка въ саду б. Неметти. Кое-что о труппѣ этого театра у насъ уже сообщалось. Теперь приводимъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ труппу вошли: г-жа Шарпантье, Смолина, Балицкая, Чекалова (комич. старуха), Тонская, Легатъ, Иномарева, Колосова, Владыкина, Яковлева и др. Гг. Свѣтлановъ, Пальмъ, Полонскій, Кубанскій, Чабанъ, Августовъ, Фокинъ, Васильевъ и др. Режиссеромъ приглашенъ г. Владыкинъ. Въ саду сдѣланы кое-какія передѣлки.

Въ «Акваріумѣ» «послѣ долгаго антракта и раздумья злого» водворяется Рауль Гонсбургъ. Возсіяетъ французская оперетка.

Театръ «Олимпія», какъ мы сообщали, снятъ г. Казанскимъ. Въ составъ труппы имъ приглашены: г-жи Горева, Станилевичъ, Мосолова, Брянская-Коврова, гг. Чужбининъ, Ивановъ и др. Спектакли предполагается открыть пьесой «Чужая кровь» («Les remplaçantes») Брие, идущей теперь съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ.

Попечительство будетъ ставить спектакли въ двухъ театрахъ: въ Таврическомъ саду и народномъ домѣ Николая II. Труппа почти вся старая. Приглашена вновь только г-жа Кускова да нѣсколько второстепенныхъ артистовъ. Всего контрактовано 65 человѣкъ, не считая оперныхъ пѣвцовъ. Въ Екатеринбургскомъ саду спектакли только по воскресеньямъ.

Садъ П. И. Васильева, бывшій «Америкъ», переименовывается въ «Альгамбру». Труппа, по-прежнему, драматическая. Режиссеръ новый — И. Е. Шуваловъ, составившій труппу изъ провинціальныхъ артистовъ. Въ составъ ея вошли Е. И. Стрѣлкова (героиня), Н. С. Любатовичъ (grande-coquette) Н. А. Линская (ingénue), О. П. Давыдова (grande dame), В. Е. Прокофьева (старуха), В. А. Ланина (ingénue и воевил.), М. П. Лѣстовская (2-я ingénue), на вторыя роли: Милина, Нельская и Орлова. Мужской певсональ: П. П. Бредовъ (любовникъ), Н. И. Дубровскій (герой), И. Е. Шуваловъ (комикъ-резонеръ), Н. С. Тимиревъ (комикъ-буффъ), Л. Л. Людоміровъ (любовникъ-фатъ), К. М. Вѣринъ (2-й любовникъ), Н. Д. Кузнецовъ (простакъ и воевилыный), Вигандъ (второй-резонеръ и комикъ), на вторыя роли: И. Н. Долгининъ, Липатовъ, Неволинъ, Леонскій, Николаевскій, Андреевъ и др. Помощн. реж. П. Е. Филимоновъ. Садъ и театръ заново отдѣланъ. Дирекціей приобрѣтены въ собственность нигдѣ не шедшіе пьесы: «Карлъ XII въ борьбѣ съ Петромъ Великимъ» и «Сожженная Москва». Да и вообще говорить, что новый режиссеръ хочетъ преобразовать весь садъ. Поживемъ — увидимъ...

29 апрѣля открытіе лѣтняго сезона «Казино-Электрикъ» (Дирекція М. Е. Картавова). Главнѣйшій режиссеръ Г. Г. Арди. Составъ труппы: Героиня — г-жа Ваганова, Чистякова, Лелина, Зайцева, Муравьева-Никитина, на вторыя и третьи роли — г-жи Каричъ, Марлинская, Венецкая. Гг. Хмельницкій, Степа-

новъ, Маркевичъ, Федоровъ, Гаранинъ, Адашевъ, Комаровъ, Смирновъ и др. Репертуаръ: драмы, комедіи, оперетки.

* * *

† М. М. Михайловичъ-Дольскій (Вакуловскій-Доцинскій). 15 апрѣля въ Ялтѣ, послѣ долгихъ мученій, скончался Михаилъ Михайловичъ Михайловичъ-Дольскій, хорошо извѣстный, талантливый молодой актеръ. Покойный, дворянинъ по происхожденію, сынъ гвардіи-поручика, родился въ г. Павловскѣ, Петерб. губ., 8-го марта 1871 г. Воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и, не окончивъ его, ушелъ 17-ти лѣтъ на сцену, поступивъ на лѣтній сезонъ въ оперетку Неметти. Слѣдующіе 2—3 сезона игралъ въ клубахъ въ Петербургѣ, затѣмъ служилъ у Перовскаго въ Симбирскѣ и у него-же въ Казани.

Далѣе, Михайловичъ-Дольскій служилъ въ Могилевѣ, Ярославлѣ; 3 сезона у Неалобина въ Вильнѣ; предпоследній—въ Ярославлѣ, послѣдніе же 2 сезона въ товарищ. Бородая въ Саратовѣ и Казани.

Лѣтніе сезоны служилъ въ Озеркахъ, въ Павловскѣ и пр.

† М. М. Михайловичъ-Дольскій.

Покойный особенно выдвинулся въ послѣдніе годы, создавъ цѣлый рядъ прекрасныхъ ролей: Федора Иоанновича, Раскольниковъ, Мышкина и др. Карьера Дольскаго была отиѣчена упорнымъ, сознательнымъ и просвѣщеннымъ трудомъ. Отъ простаковъ съ пѣніемъ онъ дошелъ до созданія истинно-драматическихъ ролей. Въ немъ было чрезвычайно много жизни, темперамента и увлеченія. Онъ былъ некрасивъ, но глаза его горѣли, какъ звѣзды. Вдумчивый, любознательный, симпатичный и ласковый, прекрасный товарищъ, съ деликатною и нѣжною, какъ у женщины, душою, онъ былъ любимцемъ во всякой труппѣ.

Покойный умеръ отъ туберкулеза. Зимой онъ прожилъ въ санаторіи Халила въ Финляндіи. Весною его отправили въ Ялту. Онъ страшно исхудалъ и потемнѣлъ. Остались одни глаза, — такіе большіе, близорукіе, ясные и добрые.

До боли жаль этого молодого талантливаго актера, подававшаго такія прекрасныя надежды и такъ много уже сдѣлавшаго за свою недолгую жизнь. Миръ его праху, котораго такъ мало осталось отъ злой чахотки!

Н. пш.

* * *

† А. Я. Воробьева въ 1838 г.

† А. Я. Петрова-Воробьева. 13 апрѣля скончалась на 86-мъ году жизни А. Я. Петрова-Воробьева — одна изъ замѣчательныхъ русскихъ оперныхъ артистокъ — контральто 30-хъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ подвижницъ славы М. И. Глинки. Воробьева, дочь репетитора хоръъ при Императорскихъ петербургскихъ театрахъ, родилась 2-го февраля 1816 года. Свое воспитаніе и образованіе она получила въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ была сперва съ балетномъ классѣ Дилло, а затѣмъ переведена въ музыкальный классъ пѣнія Сапиенца. Отсюда была выпущена въ труппу петербургской казенной оперы въ 1832 году. Дебютировала она въ 1833 г. въ роли Питтиго, въ оперѣ Россини «Сорока-Воровка». Воробьева очаровала всѣхъ своимъ замѣчательнымъ голосомъ—контральто удивительно мягкаго, бархатистаго тембра. Не менѣе, чѣмъ голосомъ она очаровала и очаровывала всѣхъ впоследствии своимъ задушевнымъ полнымъ страсти пѣніемъ. По свидѣтельству современныхъ ей хроникъ, она заставляла своихъ слушателей проливать слезы при исполненіи ею различныхъ партій ея обширнаго репертуара. Состоя до сезона 46 — 47 гг. въ составѣ труппы русской оперы, но появляясь къ этому времени вслѣдствіе болѣзни все рѣже и рѣже на сценѣ, покойная артистка продолжала быть любимицей публики, восхваляя ее постоянно какъ своимъ выдающимся по красотѣ голосомъ, такъ и превосходнымъ, захватывающимъ драматическимъ талантомъ.

† А. Я. Воробьева.

По опернымъ традиціямъ того времени, контральтовые партіи обыкновенно писались для мужскихъ ролей, почему г-жѣ Воробьевой и приходилось выступать преимущественно

въ таковыхъ за періодъ своей службы, какъ напримѣръ, въ Ванѣ и Ратмирѣ въ операхъ Глинки. Въ 1837 году А. Я. вышла замужъ за знаменитаго О. А. Петрова, но не долго раздѣляла его триумфы на сценѣ, ея чудный голосъ послѣ 15-ти лѣтней службы сталъ пропадать и она вышла въ отставку въ 1845 году.

А. Я. Петрова-Воробьева создала цѣлый рядъ ролей, въ томъ числѣ въ «Семирамидѣ» Россини, «Робертѣ» Мейербергера, «Монтекки и Капуллетти» Беллини, «Нормѣ» его же, «Велизаріи» Доницетти, «Пуританахъ» Беллини, «Танкредѣ» Россини, «Клятвѣ» Обера, «Парашѣ-Сибирячкѣ» Струйскаго и мн. др. Упомянуть должно также, что она пѣла въ «Пуританахъ» и баритонную партію (Ричарда).

Покойная артистка создала также роль Вани въ «Жизни за Царя» Глинки, первой исполнительницей которой она была въ знаменательный день 27-го ноября 1836 года (первое представленіе шедевра Глинки). Какъ цѣнилъ гениальный композиторъ талантъ А. Я. Петровой-Воробьевой, известно всѣмъ. Въ слѣдующемъ 1837 г. Глинка написалъ специально для нея сцену передъ монастыремъ по просьбѣ ея мужа О. А. Петрова. Такимъ образомъ, мы обязаны этой высокодаровитой четѣ созданиемъ гениальнымъ композиторомъ дивныхъ страницъ національной оперы. Имя отошедшей нынѣ въ вѣчность артистки никогда не забудется въ исторіи русской оперы.

Сойдя со сцены, А. Я. скромно доживала остальную, большую часть своей жизни въ своей семьѣ, причѣмъ изъ десяти ея дѣтей въ настоящее время остаются въ живыхъ лишь двѣ дочери. Въ 80-хъ годахъ она стала терять зрѣніе и за послѣднія пять лѣтъ утратила его совершенно, пребывая постоянно въ своей квартирѣ.

* * *

† В. А. Шретеръ. 16-го апрѣля, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни скончался главный архитекторъ дирекціи Императорскихъ театровъ, проф. дѣйств. ст. сов. Викторъ Александровичъ Шретеръ. 4-го ноября 1864 года покойный окончилъ курсъ въ академіи художествъ со званіемъ академика. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ строительное училище (нынѣ институтъ гражданскихъ инженеровъ). Около 1866 г. за участіе въ составленіи проекта памятника Императрицѣ Екатеринѣ II былъ награжденъ орденомъ св. Станислава второй степени. Тогда-же было обращено на него вниманіе, и, спустя три года, онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ бывшаго строительнаго училища. Затѣмъ былъ опредѣленъ главнымъ архитекторомъ въ дирекцію Императорскихъ театровъ. В. А. былъ лучшимъ ученикомъ известнаго профессора Бонштейна. Онъ возвелъ въ столицѣ и въ другихъ городахъ Россіи массу зданій. По его-же проектамъ выстроены рыбинскій и тифлиссскій театры. Покойный почти не пропускалъ назначавшихся обществомъ конкурсовъ, за участіе въ которыхъ удостоенъ былъ до тридцати премій.

* * *

17 апрѣля у мирового судьи разбиралось дѣло г. Дурова, привлеченнаго къ отвѣтственности по 39 ст. за остановку театральнаго представленія (въ который уже это разъ?) Инцидентъ разыгрался 11 апрѣля во время «юбилейнаго» спектакля. Г. Дурову были поднесены 2 ящика серебра отъ Чинизелли, но затѣмъ, свершивъ эту формальную дань юбилюру, ящики унесли обратно. Г. Дуровъ нашель, что его юбилей стоилъ фактическихъ подношеній. Камера была переполнена, половина публики была вынуждена стоять. Вся цирковая администрація, цирковые артисты, берейторы и конюхи были налицо. Свидѣтелей было около десяти человѣкъ. Г. Дуровъ разсказалъ на судѣ обстоятельства, вынудившія его прибѣгнуть къ необычайному способу обращенія къ публикѣ. Ему не давали денегъ и кромѣ того еще угрожали выбросить вонъ и онъ счелъ за лучшее выйти къ публикѣ и разсказать въ чемъ дѣло. Случилось это совершенно неожиданно безъ всякаго обдуманнаго намѣренія и при томъ въ силу необходимости для спасенія отъ толпы цирковыхъ прислужниковъ.

— Вы только обратите на нихъ вниманіе, г. мировой судья. Они всѣ такіе большіе и сильные, легко пудовыя гири вытаскаютъ, особенно одинъ этотъ бывшій околочный или старшій дворникъ,—не знаю уже навѣрно. А я маленькій, мнѣ съ ними не справиться,—объяснилъ г. Дуровъ.

— А теперь меня г. Чинизелли не пускаетъ въ циркъ и я лишень возможности видѣть свиней. Мои животныя скукаютъ, заяцъ уже опустилъ ухо, а утки совсѣмъ отяжелѣли, такъ-какъ имъ не даютъ ходить, — комично-жалобнымъ тономъ заканчивалъ обвиняемый свои показанія.

Помощникъ пристава доказывалъ, что въ поступкѣ г. Дурова не играли роли инья побужденія, кромѣ матеріальныхъ,—получить двѣсти рублей, что контрактъ былъ нарушенъ по желанію самого г. Дурова, чтобы избѣжать платежа по исполнительному листу, поступившему въ контору цирка. Г. Дуровъ энергично протестовалъ противъ этого, исполнительнаго листа еще никакого не было.

Свидѣтели показывали разное. Директоръ цирка г. Бирочи показывалъ черезъ переводчика.

— Да онъ отлично по-русски говорить,—замѣтилъ г. Дуровъ,—онъ меня въ циркѣ ругалъ самими русскими словами.

Мировой судья постановилъ: арестовать Дурова на четыре дня.

* * *

Правленіе Общества музыкальныхъ педагоговъ и др. музыкальныхъ дѣятелей, желая съ будущаго сезона расширить свою концертную дѣятельность, намѣрено организовать кромѣ оркестра и смѣшанный хоръ; для чего лица, желающія поступить въ означенный хоръ, приглашаются присылать свои заявленія въ Правленіе Общества (Гороховая 46) сообщая въ нихъ свои имена, отчества и фамилии и мѣстожительство.

Участниками хора могутъ быть и нечлены Общества, которымъ будетъ предоставлено право посѣщенія собраній, концертовъ и лекцій Общества.

* * *

А. П. Смирновъ.
(Къ дебюту).

Какъ великъ недостатокъ театральныхъ помѣщеній въ нашей столицѣ, видно изъ того, что даже убогій, маленький и тѣсный залъ музыкально-драматическаго кружка (М. Морская, 20) занять изо-дня въ день, причѣмъ надо удивляться, съ какимъ искусствомъ гг. любители ухитряются ставить на мизерной сценѣ кружка иногда довольно сложныя пьесы.

14 апрѣля въ названномъ залѣ состоялся семейный вечеръ Об-ва любителей хорового пѣнія при лютеранской церкви св. Анны. Разнообразно составленная программа — 2 пьесы: «Grosses Reinemachen» и «Die Hasen in der Hasenheide», дивертисментъ и хоровое пѣніе — была выполнена очень успѣшно и покрыта дружными аплодисментами многочисленной публики. По окончаніи спектакля состоялось чествованіе неутомимаго даровитаго дирижера об-ва, г. Виссендорфа.

Менѣе удачнымъ оказался вечеръ, устроенный съ благотворительной цѣлью 18 апрѣля. Открылся спектакль граціозной сказкой П. Л. Куперникъ «Местъ Амура». Роковыя начальныя слова пьесы «скучно, скучно!» послужили девизомъ для всего вечера. Лучше другихъ была г-жа Ренэ, въ надлежащемъ тонѣ и съ настроеніемъ исполнившая трудную роль маркиза-дѣвушки; повривалась намъ также хорошенкя г-жа Боташева въ роли Фаншетты. Главную роль Сефизы недурно прочитала г-жа Гарская, но... это роковое «но!» Наши гг. любители чрезвычайно рѣдко оправдываютъ свое имя; вы найдете у нихъ все, кромѣ настоящей любви къ дѣлу. Ап-

пломба и самонѣнія у такихъ любителей, какъ г. Яшинъ, Корниловъ, Михайловъ, и т. п., хоть отбавляй, но любовного вдумчиваго отношенія къ роли они, видимо не признаютъ и играютъ, какъ Богъ на душу положитъ. Отсюда убійственныя паузы и беспомощные взгляды въ суфлерскую будку Г-жа Гарская исполница цѣлыхъ три роли, но лучше-бы она сыграла одну, выучивъ ее предварительно, какъ слѣдуетъ. Милая шутка Билибина «Приличія» и неуязвимый «Женихъ изъ долгового отдѣленія» прошли ниже всякой критики; сравнительно успѣшно справились со своими ролями г-жа Азгарская (Софья Васильевна) и г. Борисовъ (Ладышкинъ) Объ остальныхъ же выразимся словами Гамлета: «The rest is silence!»

* * *

Намъ пишутъ изъ Минска. Сдача городского театра на будущій сезонъ продолжаетъ у насъ служить злобой дня. Г. Хованскій, раньше нападавшій на неумѣлое веденіе дѣла театральнаго дирекціей, на очередномъ засѣданіи думы даже не требовалъ общаго ему отвѣта. Недавно почтенный гласный напечаталъ письмо въ газетѣ «Виленскій Вѣстникъ», гдѣ между прочимъ говоритъ, что совѣтъ о—ва любителей изящныхъ искусствъ, желая придти на помощь театральнаго дирекціи и устранить ни для чего ненужное посредничество г. Строева, подалъ заявленіе въ дирекцію о сдачѣ ему театра. Тѣмъ болѣе становится непонятнымъ теперешнее молчаніе Г. Хованскаго. Насколько намъ извѣстно, театральная дирекція, какъ говорятъ, уже подписала контрактъ съ г. Строевымъ, и будто бы общество взяло назадъ свое предложеніе, будучи не въ силахъ бороться съ «строевскою компаніей». Все это весьма жаль, такъ какъ о—во могло бы сдать театръ на прежнихъ основаніяхъ и субсидія пошла бы на улучшеніе театра, а не въ карманы «контрагентовъ».

* * *

Составитель біографическаго словаря русскихъ музыкальныхъ дѣятелей П. П. Веймарнъ напоминаетъ свою просьбу, обращенную ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ музыкальному искусству, о доставленіи ему ихъ біографическихъ свѣдѣній по возможности въ скорѣйшемъ времени по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Кабинетская, д. № 22, кв. 11. Павлу Платоновичу Веймарну. Просьба эта относится къ русскимъ композиторамъ, музыкальнымъ писателямъ и критикамъ инструментальнымъ и вокальнымъ, педагогамъ, издателямъ, музыкальнымъ обществамъ и кружкамъ, музыкально-торговымъ фирмамъ и проч. Фотографическія карточки желательны. *Свѣдѣнія о покойныхъ русскихъ музыкальныхъ дѣятеляхъ будутъ также приняты съ большою признательностію.*

* * *

За два дня я «наглотался», если можно выразиться, брани рецензентовъ и даже публики, въ видѣ писемъ въ редакцію, по поводу пьесы В. А. Кожевникова «Дымъ отечества», премированной на конкурсѣ Литературно-Художественнаго Общества. Когда ее читали отдѣльные судьи, никому она не казалась ни пошлой, ни скучной, но всѣ находили ее талантливой. Одинъ изъ судей, извѣстный беллетристъ, написалъ на поляхъ, если память мнѣ не изменяетъ, слѣдующее: «Это то, что французы называютъ «une pièce grosse». Что ожидаетъ ее, большой успѣхъ или большой провалъ — не знаю, но пьеса рѣшительно талантливая».

Эту пьесу я напечаталъ мѣсяца полтора назадъ. Я говорилъ со многими читателями, и нѣкоторымъ пьеса чрезвычайно нравилась тонкостью письма и мягкостью колорита, тихимъ юморомъ и превосходнымъ языкомъ, другіе же не находили въ ней «ничего особеннаго». Никто, однако, не бранилъ пьесы и не отрицалъ въ авторѣ дарованія.

Я много лѣтъ посѣщаю театръ, и постоянно мучаюсь и терзаюсь необъяснимыми противорѣчіями. Я слышалъ свистъ и шиканье по адресу чеховской «Чайки»; я присутствовалъ при веселомъ хохотѣ публики надъ метерлинковскими «Тайнами души»; я былъ свидѣтелемъ шиканья при первомъ представленіи «Гордыни», — пьесы, при всѣхъ ея погрѣшностяхъ, зрѣлой, выношенной, написанной отличнымъ языкомъ и проникнутой чувствомъ исторіи. Я помню недоумѣніе публики при постановкѣ «Норы» Ибсена, «Джоконды» д'Анунціо. Въ то же время я не запомню случая, чтобы публика шикала и свистала при первыхъ представленіяхъ дѣйствительно пошлыхъ, ничтожныхъ и бездарныхъ вещей. Стоить-ли ихъ называть? Возьмите весь репертуаръ Александринскаго театра, во время управленія г. Крылова, всѣхъ этихъ дамъ, безъ роду и племени (разумѣется, литературнаго), Вознесенскихъ, Воскресенскихъ, Воздвиженскихъ, всѣ продукты собственной музы г. Крылова, всѣ эти драмодѣльныя сценическія пьесы иныхъ авторовъ, которымъ прежде чѣмъ стать драматургами, слѣдовало бы выучиться писать-то хоть грамозно, т. е. литературно и правильно, съ нѣкоторыми признаками стиля и художественной изысканности. Публика никогда не возмущается пошлостью, заключенной въ привычныя, рутинныя формы. Большой части публики

эта пошлость даже нравится, тѣ-же, которые ее чувствуютъ — «уважаютъ», если можно выразиться, автора за то, что онъ соблюдаетъ общепринятія формы сценической вѣжливости. Развѣ не то же мы наблюдаемъ въ жизни? Развѣ мы не гонимъ въ шею человѣка, быть можетъ, порядочнаго, честнаго и правдиваго, который является въ домъ, не снявъ шляпы, калошъ и не раскланявшись, согласно требованіямъ хорошаго тона, а отъявленнаго пошляка и дуrolома примемъ только потому, что онъ съ учтивымъ наклономъ головы говоритъ: «здравствуйте», и когда садится, то цилиндръ, какъ водится, ставитъ около стула? Сотни пьесъ проходятъ предъ моимъ взоромъ—ничтожныхъ, жалкихъ, лишенныхъ проблеска дарованія, какого либо мѣткаго слова, какого либо интереснаго сценическаго положенія. Никто не возмущался ими и не писалъ писемъ въ редакцію. Это были вѣжливыя пьесы, авторъ, воспитанный на «хорошихъ традиціяхъ», приятно улыбался, и публика про себя думала: кажется, ты порядочная дрянь, но какое же я имѣю право на тебя сердиться? Человѣкъ ты—тихий, на ногу не наступаешь, меня не «замасшь», ну, и Богъ съ тобой—ты направо, я налево... И расхотѣлись. «Была безъ радости любовь, разлука будетъ безъ печали».

Но чего публика не прощаетъ никогда—это смѣлости, отступленія отъ общепринятыхъ формъ «деликатнаго обращенія» съ матеріями важными, особенно когда эта смѣлость исходитъ отъ человѣка не авторитетнаго, да еще къ тому-же лишеннаго технической сноровки. «Дымъ отечества» — разумѣется, не Богъ вѣсть какое крупное произведеніе, но талантливое и вполне литературное. Я называю его литературнымъ не только потому, что оно написано отличнымъ языкомъ, но и потому, что оно не преслѣдуетъ никакихъ постороннихъ цѣлей, не добивается эффектовъ, и мѣстами даже трогательно въ своей наивной, художественной простотѣ. Я не умѣю это выразить, какъ слѣдуетъ, но для меня ясно, что существуетъ двоякаго рода литература, одна, которая есть только литература, и другая, которая, въ основѣ своей, есть замаскированная статья, моральная проповѣдь, иногда просто перецъ. Пьеса же г. Кожевникова—чистая литература, какъ бываетъ «чистая любовь».

Бѣда «Дыма отечества» заключается въ томъ, что это очень тонкая пьеса, а гдѣ тонко, тамъ и рвется. Г. Кожевниковъ взялъ обычную семейную исторію: мужъ сбѣжалъ отъ жены, и путается съ другою. Можно взглянуть на эту исторію двояко, какъ на вопіющую драму, или какъ на вопіющій фарсъ. Авторъ-же пошелъ среднимъ путемъ. Его герои, правда, обыкновенные люди, но, во первыхъ, очень порядочные и умные, а во-вторыхъ, отлично воспитанные. Драма идеть тихо, покорно, спокойно. Нападающіе и защищающіеся—равны по силамъ. Семья держится привычкой; страсть убивается привычкой. Это почти смѣшно, говоритъ г. Кожевниковъ, и дѣйствительно почти смѣется надъ своими героями, заставляя ихъ спать на стульяхъ, подавать лекарство больному ребенку соперницы, оплакивать свою бездѣтность и бояться дифтерита. Я бы навелъ пьесу—«Отъ великаго до смѣшнаго», и когда я читалъ ее, мнѣ казалось, что цѣль автора постоянно поворачивать сюжетъ то одною стороною лица, которая плачетъ, то другою, которая смѣется. Все время авторъ балансируетъ на границѣ драматическаго и комическаго, грустнаго и смѣшнаго, тайнаго и явнаго, свободнаго и рабскаго въ человѣческой душѣ. И юморъ автора печальный, и колоритъ пьесы—грустный.

На сценѣ исполненіе такой пьесы представляетъ огромныя трудности. Если публика не поняла пьесы, это простиительно. Но г. рецензентамъ не грѣхъ было-бы поглубже вникнуть въ дѣло, отмѣтить въ авторѣ его несомнѣнное дарованіе и указать въ то же время погрѣшности фактуры, которыхъ не мало. Я думаю, что многимъ изъ гг. рецензентовъ будетъ стыдно современемъ за свой скорорѣшительный судъ, когда г. Кожевниковъ, какъ я питаю увѣренность, напишетъ что-нибудь болѣе законченное по формѣ. Такъ случилось съ г. Радзивиловичемъ, котораго «Исторію одного увлеченія» бранили за какую-то якобы банальность, не угадавъ въ авторѣ пріятнаго дарованія.

А. К—ель.

* * *

Въ Маломъ театрѣ на дняхъ въ «Безправной» дебютировала г-жа Теничъ, извѣстная по участію въ любительскихъ спектакляхъ. Молодая дебютантка просто разговариваетъ и очень мило держится на сценѣ. Это пока все, что можно про нее сказать, такъ какъ она еще совершенно неопытна и къ ней можно относиться только какъ къ любительницѣ. При извѣстной же работѣ изъ нея, повидимому, можетъ выработаться настоящая артистка.

* * *

Въ газетахъ промелькнулъ въ 101 разъ слухъ, что Н. О. Сааоновъ оставляетъ постъ директора театровъ петербургскаго попечительства о народной тревости

Весенніе слухи—что весеннія сказки: они и пріятны, и маловѣроятны...

* * *

Управление красносельскимъ театромъ возложено на прavitеля штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа полковника Княжевича.

* * *

Находящійся въ настоящее время въ Одессѣ А. Л. Тальма получилъ отъ мэра города Raix du Nord, во Франціи, приглашеніе прибыть на торжество открытія памятника знаменитому французскому трагику Франсуа Жозефу Тальмъ, предку поселившася въ Россіи семейства Тальмы. Открытіе памятника состоится въ будущемъ мѣсяцѣ и будетъ обставлено съ большою торжественностью. Памятникъ сооруженъ на средства, собранныя по подпискѣ почитателями памяти знаменитаго трагика. Открытіе памятника имѣло состояться еще въ августъ прошлаго года, но было отложено вслѣдствіе пожара театра „Comédie Française“, артисты котораго имѣли участвовать въ торжествѣ. На торжество придутъ представители отъ всѣхъ французскихъ и многихъ иностранныхъ театровъ.

* * *

Въ прошлое воскресенье состоялся *пятидесятый* концертъ оркестра графа А. Д. Шереметева. Это такое событіе, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. При пожарной командѣ, устроенной графомъ Шереметевымъ въ его имѣніи «Ульянка», состоялъ духовой оркестръ, ближайше назначеніе котораго сводилось къ тому, что составляетъ задачу всякаго пожарнаго оркестра. Откровенно говоря, я собственно не понимаю, въ чемъ заключается эта задача, и даже не совсемъ постигаю, въ чемъ она и могла бы заключаться. Разумѣется, не въ томъ, чтобъ играть на именинахъ у бригадъ-майора или подвизаться въ «Аркадіи». Но каково бы ни было назначеніе пожарныхъ оркестровъ, вообще,—у гр. Шереметева оно вылилось въ особая формы. Графъ А. Д. Шереметевъ—самъ страстный любитель и знатокъ серьезной музыки—не могъ, конечно, довольствоваться обычнымъ репертуаромъ нашихъ духовыхъ оркестровъ, не идущихъ, какъ извѣстно, далѣе маршей, танцевъ и попури, а поставилъ себѣ задачей исполнять и серьезную музыку. Въ октябрѣ 1897 года мнѣ пришлось послушать этотъ оркестръ, и я былъ пораженъ какъ качествомъ исполненія, такъ особенно серьезностью репертуара. Излагаю объ этомъ свои впечатлѣнія въ № 43 «Театра и Искусства», я не могъ удержаться отъ того, чтобы не высказать своего сожалѣнія, что бокъ-о-бокъ съ Петербургомъ, въ глуши имѣнія, пропадаетъ вгунѣ такая могучая музыкально-образовательная сила, какъ этотъ превосходный оркестръ. «Сколько пользы—неволью пришло тогда въ голову—могъ бы оркестръ приносить интересамъ музыкально-общественнаго развитія, еслибъ ему поставлены были болѣе широкія *общественныя* задачи». Эти указанія какъ нельзя болѣе совпали съ личными стремленіями самого гр. А. Д. Шереметева, который давно лелѣялъ мысль о широкой популяризаціи музыки среди нашей публики, столь мало избалованной по части художественно-эстетическихъ наслажденій... И вотъ, 11 января 1898 года, въ залѣ Городской Думы, состоялся первый «общедоступный народный концертъ». Этимъ концертомъ положено было начало важному общественному дѣлу. Недостаточная часть публики, которая дотолъ лишена была утѣшитель, доставляемыхъ вдохновенными произведеніями музыкальнаго искусства, получила широкую возможность находить забвеніе отъ прозы жизни «средѣ звуковъ сладкихъ и молитвъ». Русскіе композиторы, поставленные въ тягостныя условія, встрѣтили радушную готовность знакомить публику съ ихъ произведеніями. И въ то время, какъ, напримѣръ, бѣляевскіе концерты замкнулись въ кружковщину, узкую и мелкую, утративъ живой духъ общественнаго дѣла, концерты гр. Шереметева неизмѣнно отличались безпристрастіемъ по отношенію ко всѣмъ русскимъ авторамъ, безъ различія партій и направленій. Въ этомъ залогъ ихъ жизненности... Болѣе трехъ лѣтъ прошло съ того времени какъ положенъ былъ первый камень, и значеніе этихъ концертовъ не только не падаетъ, но все болѣе растетъ и крѣпнетъ. Всѣми этими успѣхами концерты обязаны прежде всего и болѣе всего самому графу А. Д. Шереметеву, столь счастливо совмѣщающему смѣлость почина, съ энергіею организатора и даровитостю артиста. Графъ А. Д. доказалъ на дѣлѣ, что онъ не праздный диллетантъ, убивающій свой досугъ игрою въ общественныя затѣи, а истинный музыкантъ, всецѣло охваченный интересами своего любимаго искусства и беззавѣтно преданный возвышеннымъ цѣлямъ музыкальнаго просвѣщенія массъ.

Публика, наполнявшая Кононовскій залъ сверху до-низу, видимо, сознавала значеніе этого концерта. Въ общемъ настроеніи чувствовалась та приподнятость, которую сопровождаетъ всякое неподдѣльное торжество. Графъ А. Д. Шереметевъ былъ встрѣченъ съ шумнымъ энтузіазмомъ и все время былъ предметомъ бурныхъ овацій. Публика оцѣнила плодотворную дѣятельность графа и старалась выразить ему свою признательность съ непосредственностью искренняго порыва. Такой врывъ общественныхъ восторговъ выпадаетъ

на долю рѣдкихъ общественныхъ дѣятелей и графъ, озираясь на пройденный путь, можетъ быть доволенъ и достигнутыми результатами, и общественною ихъ оцѣнкою.

И. Кн—ский.

* * *

Какъ телеграфируютъ изъ Москвы, въ засѣданіи репертуарной комиссіи постановлено на будущее время отменить въ Императорскихъ театрахъ бенефисы, за исключеніемъ юбилейныхъ.

* * *

Надняжъ состоялось общее собраніе членовъ петербургскаго драматическаго кружка, на которомъ былъ рассмотрѣнъ и утверждёнъ отчетъ за 1900—1901 г. и произведены выборы должностныхъ лицъ. За полезную дѣятельность казначей кружка А. В. Спица избранъ въ почетные члены. По произведенной баллотировкѣ въ составъ новой дирекціи избраны: В. И. Сѣрковъ, С. И. Троицкій, И. И. Урбановичъ, Н. А. Агаповъ; въ кандидаты къ нимъ — И. Е. Цвѣтковъ, А. А. Бартъ, А. П. Несторъ и С. П. Елисеѣвъ.

ОДАЧА ТЕАТРОВЪ и АНГАЖЕМЕНТЫ.

Старая Русса. Дирекція З. В. Холмской. Въ составъ труппы вошли: З. В. Холмская, Л. Н. Каренина, М. А. Славичъ, С. В. Корсакова, Н. М. Топорская, С. Г. Натанская, г. К. В. Бравичъ, С. В. Брагинъ, Н. В. Волоховъ, С. А. Гриневъ, А. С. Ермаковъ, Бережной, Лебедевъ, Ивановъ и др. Режиссеръ С. В. Брагинъ, пом. режиссера Сахаровъ, суфлеръ Старовъ.

Симбирскъ. Театръ снятъ г. Витарскимъ. Пока въ труппу вошли: Арцыбашева (ingénue comique), Дорманъ (ingénue dramatique), Бауэръ-Большакова (старуха), Вронскій (резонеръ), Гриневъ (комикъ), Зиновьевъ (простакъ), Гаранинъ (2 любовникъ).

Каменецъ-Подольскъ и Житомиръ. Театры сданы на зимній сезонъ М. М. Рѣзунову подъ драму и оперу. Оба театра субсидируются по 4500 р. въ сезонъ.

Саратовъ. Лѣтній театръ Очкина на два мѣсяца сданъ подъ спектакли малорусской труппы г. Мирово-Бедюхъ. Сезонъ откроется во второй половинѣ апрѣля.

Съ 18 апрѣля у г. Бородея начинаются гастролы г. Каширина.

Варшава. Артистъ русской оперы М. Е. Медвѣдевъ ведетъ въ настоящее время переговоры съ дирекціей варшавскихъ казенныхъ театровъ объ отдачѣ ему одного изъ театровъ на будущій зимній сезонъ для русской оперы.

Кіевъ. Изъ труппы г. Соловцова на будущій сезонъ остаются: г-жи Глѣбова, Паскалова, Велизарій, Звѣрева, Инсарова, Корсакова и Болотина, гг. Шуваловъ, Недѣлинъ, Скуратовъ, Степановъ, Вагровъ, Борисовъ, Крамской, Кноръ, Негоревъ.

Екатеринодаръ. На май и іюнь на гастролы сюда пріѣзжаютъ И. Н. Шуваловъ и М. И. Велизарій.

Саратовъ. Г. Соболящиковъ-Самаринъ пріѣхалъ сюда, чтобы подписать контрактъ и окончательно выяснитъ кое-какія мелочи. По его словамъ, первая часть сезона сложится изъ слѣдующихъ пьесъ: «Камо грядеши» (по Сенкевичу), «Петръ I» (Крылова), «Михаилъ Крамеръ» Гауптмана, «Императрицу Жозефину», «Арія и Мессалину» и передѣлку «Воскресенія» Л. Н. Толстого. Кромѣ того, Максимъ Горькій, съ которымъ г. Соболящиковъ лично знакомъ и съ которымъ видѣлся недавно въ Нижнемѣ, обѣщалъ будто бы ему для постановки свою пьесу, названія которой онъ, впрочемъ, еще не далъ.

На лѣто г. Соболящиковъ съ двумя режиссерами—драматическимъ и опернымъ отправляется за границу. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ самъ г. Соболящиковъ—съ сотрудниками мѣстныхъ газетъ.

Въ оперную труппу пока вошли: г-жи Боброва, Мелодистъ, Крамзина-Жуковская и г. Максакова. Капельмейстеръ г. Сукъ.

Херсонъ. Составъ труппы на зиму: любовникъ, г. Харламовъ, резонеръ-герой Левицкій, комикъ Билино-Билиновичъ, резонеръ 2-й Пьеръ-Акановъ, 2-й комикъ Фурсовъ, простакъ Сазоновъ, фатъ Громовъ, декораторъ Мартемьяновъ. Женскій персоналъ: молодая героиня Назимова, сильно драматическія роли Никонова, ingénues Завьялова, Галина, старуха Корбекова, затѣмъ г-жи Волжина, Харламова, Лозинская. Независимо отъ этого, г-жей Малиновской приглашены для оперетки и водевилей г. Петровскій и г-жа Малинова.

Вильна. Оперная труппа В. Н. Любимова дѣлаетъ здѣсь неслыханный дѣла. На всѣ спектакли съ участіемъ М. и Н. Фигнеръ билеты были давнымъ-давно проданы. Сборы доходили до 3000 р. Труппа пробудетъ здѣсь до 25 апрѣля, а затѣмъ отправится въ Москву, гдѣ начнетъ спектакли въ лѣтнемъ «Акваріумѣ».

Тула. На гастролы приглашенъ П. Л. Скуратовъ.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Томскъ. На-дняхъ здѣсь была впервые поставлена новая пьеса мѣстнаго автора «Сибирскій Ревизоръ». По словамъ газетъ, фабулой для сценъ г. Сибирякова послужило дѣйствительное происшествіе, случившееся въ 80-хъ годахъ, въ селѣ Бердскомъ, Томской губерніи. Ссылный прохода мѣстнымъ земскимъ засѣдателемъ, ожидавшимъ ревизора, былъ принятъ за послѣдняго, вошелъ въ роль, и, производя обыски у мѣстныхъ раскольниковъ подъ предлогомъ отысканія у нихъ фальшивыхъ денегъ, отобралъ нѣсколько тысячъ рублей, скрылся съ ними, потомъ былъ пойманъ и получилъ соответствующее возмездіе. На этой канвѣ и построены сцены, по сценическимъ положеніямъ представляющія сколокъ, конечно, довольно слабый, съ «Ревизора».

Кострома. Изъ назначенныхъ трехъ спектаклей труппы г. Орленева состоялось только два. «Царь Ѳеодоръ» былъ отмененъ, ибо билеты распродавались очень туго. Шли «Микаэль Крамеръ» и «Орленокъ», съ которымъ познакомила Петербургъ г-жа Яворская. По поводу постановки г. Орленевымъ послѣдней пьесы «Костр. Листъ» замѣчаетъ: «на нашей сценѣ успѣхъ «Орленка» былъ сомнителенъ чтобы не сказать больше. Националистическая пьеса, вызвавшая бурю восторговъ въ Парижѣ, слишкомъ чужда намъ и, несмотря на весь лирическій трагизмъ героя драмы и прекрасную игру г. Орленева, не затронула зрителя за живое и прошла скучно; можетъ быть, такому впечатлѣнію способствовала бѣдность костюмовъ и небрежная постановка массовыхъ сценъ».

Отмѣтимъ, между прочимъ, что г. Орленевъ съ той-же труппой и съ тѣмъ-же «Орленкомъ» ѣдетъ въ Москву.

Саратовъ. Труппа г. Вородая дѣлаетъ очень слабые сборы. «Контрабандисты», поставленные на-дняхъ, сбора совсѣмъ не сдѣлали. По слов. «Од. Нов.» г. Вородай еще въ Казани захотѣлъ поставить, «Контрабандистовъ» да еще въ свой бенефисъ по «опернымъ цѣнамъ», но товарищество воспротивилось этому и отказалось играть пьесу.

Одесса. Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, антрепренеръ русской оперы г. Бородинъ сбѣжалъ, бросивъ труппу. Онъ явился, что отправляется на вокзалъ для проводовъ своей жены г-жи Корецкой въ Кіевъ, но больше не возвратился. Въ печальномъ положеніи остались хористы и музыканты. Арендаторша Русскаго театра г-жа Делицкая обратилась къ гг. Медвѣдеву и Каміонскому съ предложеніемъ продолжать оперные спектакли; при этомъ г-жа Делицкая обѣщаетъ значительно сбавить наемную плату за театръ, а въ случаѣ плохихъ сборовъ совсѣмъ отказывается отъ наемной платы.

Гастроли М. В. Дальскаго въ Городскомъ театрѣ дали слѣдующіе сборы: 2 апрѣля «Отелло» 807 р. 68 к., 3-го «Идиотъ» 776 р. 58 к., 4-го «Гамлетъ» 924 р. 68 к., 5-го «Кайнъ» 672 р. 78 к., 6-го «Женитьба Бѣлугина» 569 р. 68 к., 7-го «Огни Ивановой ночи» 696 р. 33 к., 8-го (утромъ) «Гамлетъ» 409 р. 8-го (вечер.) «Горе отъ ума» 763 р., 9-го «Безправная» 481 р. втор. 10-го «Разбойники» 606 р., 11-го «Братья Карамазовы» 541 р. 48 к., 13-го апрѣля «Новый мѣръ» 1067 р. 75 к. Такимъ образомъ пока наилучшій сборъ далъ «Новый мѣръ» 1067 р. 75 к., а наихудшій изъ вечернихъ спектаклей «Безправная» (481 руб.) Изъ Одессы труппа г. Дальскаго отправляется въ Кишеневъ, гдѣ спектакли начинаются съ 20 апрѣля.

Ташкентъ. Газеты рассказываютъ о переполохѣ, происшедшемъ въ мѣстномъ циркѣ. 19-го марта, въ циркѣ г. Первиль, шла бойкая продажа билетовъ. Когда цифра посѣтителей стала достигать 3.000 человекъ, полиціей дальнѣйшій доступъ публики былъ прекращенъ. Представленіе шло бойко. Вдругъ изъ конюшни цирка раздался раздирающій душу крикъ: «Пожаръ!». Почти одновременно показалось пламя, и обезумѣвшая отъ страха публика бросилась къ выходу. На бѣду поперекъ его лежали гимнастическія гири, связанныя длиною желѣзною палкою, на которые наткнулась первая волна испуганныхъ зрителей. Тутъ сразу выросла куча живыхъ тѣлъ, барахтавшихся, кричавшихъ и стонавшихъ. Слѣдующая волна людей покатилась по головамъ упавшихъ. Шли по мосту изъ нѣсколькихъ ярусовъ живыхъ тѣлъ, съ отчаянными криками. Наконецъ, удалось сбавить нѣсколькихъ саперныхъ солдатъ, съ помощью ихъ проломили крышу и боковую стѣнку цирка, и толпа вырвалась на воздухъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько ярусовъ смятыхъ въ давкѣ людей.

Особыхъ несчастій, впрочемъ, не было.

Изъ феликса Бове.

Весна любви, прекрасная весна,
И роза дивная, что только расцвѣтаетъ,
И пламя, что къ себѣ все взоры привлекаетъ,—
Это—она!

Но ласточка стремится въ теплые края,
Плющъ розу юную съ любовью обнимаетъ,
И мотылекъ, въ огонь влетая, погибаетъ,
Какъ я.

А. А. Мюссаръ-Викентьевъ.

Изъ Москвы.

Кружкомъ любителей сценическаго искусства сыграна комедія г. Кожевникова «Дымъ отечества». Въ этой пьесѣ нѣтъ надуманности: она «сама родилась». Такъ рождаются истинныя произведенія искусства. Но не совсѣмъ такъ достигается отъ нихъ на сценѣ единое, правдивое и нужное впечатлѣніе.

Кружокъ посмотрѣлъ на комедію, какъ на рядъ отдѣльныхъ сценъ, связанныхъ нѣкоторой очень старой и несложной фабулой. Игреновъ, послѣ многихъ лѣтъ супружества, сошелся съ женщиной, въ которую былъ влюбленъ въ своей далекой юности, прожилъ съ ней годъ и вернулся къ семьѣ. Авторъ съ безпечной объективностью—ездѣ въ мягкихъ, не ездѣ въ ясныхъ краскахъ—зарисовываетъ лица и сцены, сопровождающія эту простую исторію. Кружокъ, насколько могъ—изобразилъ эти лица и разыгралъ эти сцены. Получилось впечатлѣніе чего-то до крайности тусклого и никому не нужнаго—какъ аккорды аккомпанимента безъ мелодіи. Такъ было и на самомъ дѣлѣ: кружокъ старательно разыгрывалъ аккомпаниментъ, какъ будто и не предполагая о существованіи мелодіи.

Игреновъ мнѣ напоминаетъ стараго комнатнаго чижъ, котораго держатъ въ открытой клѣткѣ. Въ солнечный, шумный, весенній день старый чижъ почувствовалъ въ крови свободу предковъ и вылетѣлъ за окно. Домашніе

обезпокоились: чижа могла съѣсть кошка—но ни минуту не думали въ глубинѣ души, что чижь можетъ не пожелать вернуться. И чижь вернулся—усталый, сковфуженный съ спутанными перьями. Первую ночь онъ долженъ былъ провести въ углу за диваномъ, потому что клѣтка оказалась запертой: домашніе наказали чижа. Но они же его и помилуютъ. Нахохлившись, ожидаетъ чижь своего помилованія. Происходить первый къ тому шагъ: чижа рѣшили покормить.

„Отечество“ и его „дымъ“ — удущающая копотъ, или благовоное курево—вотъ гдѣ центръ, изъ котораго вышелъ Игреньевъ и къ которому вернулся... Онъ бросилъ привычную, какъ говорятъ: „нормальную“ семью. И онъ, „долженъ былъ“ вернуться къ ней. „Мотивъ дѣтей“, о которыхъ не думалъ Игреньевъ, покидая семью, играетъ случайную роль и въ его возвращеніи. Какъ только прошли первыя тягостныя впечатлѣнія, Игреньевъ торопится попробовать приласкаться къ жень: чижу нужно знать, будутъ ли по прежнему пускать его въ клѣтку. Въ борьбѣ, въ громадномъ напряженіи физическихъ и духовныхъ силъ даетъ природа самцу обладаніе самкой. Въ чело-вѣческомъ обществѣ каждому

предоставляется имѣть клѣтку „въ конкуренціи“. Авторъ все время какъ бы улыбается, съ изумительнымъ, часто досаднымъ спокойствіемъ и очень трудно подслушать *его* мелодію. За два дня передъ „Дымомъ“ я видѣлъ одноактный этюдъ того-же г. Кожевникова „Антигона“. „Антигона“—пьеса тенденціозная и ея тенденція совершенно противоположна той мелодіи которую я ожидалъ услышать въ „Дымѣ“. Кажется, я ошибаюсь и „Дымъ“ совсѣмъ не нужно видѣть въ его „сладостныхъ и приятныхъ“ свойствахъ торжества добродѣтели...

Самъ по себѣ „кружокъ“ довольно сѣрый: ничего грубаго, рѣзко невѣрнаго, очень прилично—но ужасно утомительно. Многие умѣютъ говорить на сценѣ и почти никто не умѣетъ слушать. Дожидаюсь реплики, или продѣлываютъ напряженную мимическую игру, или застываютъ съ безстрастными лицами. Диалогъ подвигается рядомъ толчковъ: точно

Лизавета—г-жа Холмская.
(„Горькая судьбина“).

вбиваютъ гвозди въ голову. „Слушать“ — тайна сценическаго искусства: это доказываютъ прекрасные чтецы и куда не годные актеры.

„Любителямъ — будущимъ членамъ проектируемаго кружка помощи душевно-больнымъ“ посвящена только что вышедшая брошюра г. Ольгина. Г. Ольгинъ „поставилъ къ свѣту письменный столъ, немножко цвѣточковъ, повѣсилъ картины *собственнаго рисованія* и погрузился... въ беззащитное, чудовищное саморекламирование. Для г. Ольгина это дѣло привычное. Это—маленькій Геростратъ, „волею судебъ выброшенный на театральное поприще“. Въ юности онъ „что называется, зарежиссировалъ во всѣхъ концахъ Бѣлокаменной“; попавъ на войну, „не столько воевалъ, сколько путешествовалъ по всевозможнымъ госпиталямъ и перевязочнымъ пунктамъ, собиралъ матеріалъ, надѣясь издать его по окончаніи кампаніи“. Въ какихъ-то красныхъ казармахъ „проводилъ время за чтеніемъ философскихъ и педагогическихъ книгъ, задавшись *новой цѣлью*: извлечь побольше здоровыхъ (?) мыслей и издать ихъ въ одномъ объемистомъ томѣ“; исчислялъ среднюю вѣроятность жизни миллионнаго населенія, изслѣдовалъ гирла (не знаю, что это такое), издалъ путевые наброски. Попавъ „въ учебное театральное заведеніе“, убѣждался въ томъ, что школа „требовала въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ значительнаго усовершенствованія“. Поступилъ на Императорскую сцену, „не переставалъ отдавать всѣ свои свободные часы все

тѣмъ же любителямъ, устраивавшимъ обыкновенно благотворительные спектакли“. Наконецъ попалъ на „по *всей вѣроятности послѣднюю* и самую дорогую жизненную цѣль“: составилъ любительскую труппу въ 220 человекъ и написалъ для нея „свои театральныя воспоминанія“. Съ труппой г. Ольгинъ, „заложивши капиталецъ“, предполагаетъ давать спектакли для душевно-больныхъ. А пока успѣлъ еще разъ прославиться.

Рѣдко приходится читать такую притязательную пошлость, какъ брошюра г. Ольгина. Г. Ольгинъ кается. Онъ „дѣлъ, и занимался музыкой, и рисовалъ безъ всякой подготовки (талантливый человекъ г. Ольгинъ!) „мужскія роли исполнялъ одинъ, облачившись въ пѣсколько костюмовъ (русскій Фреголи!) „дѣлалъ похуже этого, играя и Островскаго и классиковъ своими словами“ (какой, однако, находчивый!). Пожалуй, и не удивительно, что „счастливый обладатель жизненнаго опыта, тонкій наблюдатель психологъ, поэтъ, музыкантъ, художникъ, актеръ, скульпторъ, беззавѣтно любящій свое дѣло — словомъ, все, все, въ громадныхъ, грандіозныхъ размѣрахъ“... — г. Ольгинъ. Таковы, по его мнѣнію, „необходимыя данныя для настоящаго режиссера“, а г. Ольгинъ — режиссеръ.

Курсивна обложка брошюры. Ея заглавіе: „Изъ воспоминаній бывшаго любителя драматическаго искусства“ напечатано на самомъ верху, а посрединѣ черезъ весь листъ заглавнымъ шрифтомъ: „Ольгинъ“. 220 любителей, какъ кажется, имѣютъ дѣло съ маньякомъ.

Жаль если въ труппѣ г. Ольгина найдутся дарованія. Съ такимъ прямолинейнымъ маньякомъ они сламятъ въ себѣ то, чѣмъ сильны любительскія дарованія: стыдливость.

Какое-то особое трогательное чувство возбуждаетъ неуверенная, не въ мѣру тонкая, не въ мѣру тихая, технически невозможная игра начинающаго любителя, когда онъ даровитъ: словно, кто рисуетъ декорацию акварельными красками. Любовь къ искусству — робкая, чистая и прекрасная, какъ любовь юноши — даетъ это впечатлѣніе. Первая любовь — любовь безъ исхода и обладанія. Нужна капелька крови, страсти, дерзости, чтобы вспѣнилось вино. Она придетъ. Но тутъ, обыкновенно, являются гг. Ольгины и не то что „срываютъ покровы“, а показываютъ неприличные картинки. Вотъ и въ кружкѣ, исполнявшемъ комедію г. Кожевникова — въ немъ мало юности. Онъ и не зрѣлъ — а развращенъ.

Ананій — г. Каширинъ.
(„Горькая судьбина“).

НА ПОРОГѢ.

Повѣсть.

(Продолженіе *).

VII.

Центръ стола заняла Коростова. Маленькая, худенькая, вся словно выточенная изъ слоновой кости. Она была похожа на Миньону. Это сходство, однако, пропадало, если всмотрѣться въ ея глаза. Глаза были слишкомъ быстры для Миньоны, и хотя Ко-

*) См. № 16.

ростова и умѣла придать имъ ласковое выраженіе, но стоило ей только перестать наблюдать за собой, какъ выраженіе ихъ становилось холоднымъ, сухимъ и даже злымъ. На видъ ей было двадцать лѣтъ, въ дѣйствительности-же она была старше на четыре года. Но, несмотря на

В. О. Трахтенбергъ.
(«Потемки души»).

молодость, она ужь очень хорошо знала цѣну людямъ, чувствамъ и словамъ, и это одно не могло дѣлать ея глаза похожими на глаза Миньоны. Балетное воспитаніе рано заставило ее познакомиться съ изнанкой жизни, и примѣръ подругъ, щеголявшихъ въ брилліантахъ, какъ-бы закончилъ ту работу, которую продѣлало надъ ней это воспитаніе. Первые-же успѣхи на сценѣ наложили на подготовленный такимъ путемъ характеръ окончательные, такъ сказать, художественные штрихи. И она уже давно привыкла къ тому, чтобы каждый, кто съ ней знакомился, непременно тѣмъ или инымъ образомъ былъ ей полезенъ. Всѣхъ людей вообще она дѣлила на двѣ категоріи: тѣхъ, кто плохо одѣвается, и тѣхъ, кто хорошо одѣвается. Первые ее не интересовали, а вторыхъ она подраздѣляла на четыре разряда: одни — поклонники, т. е. люди богатые, могущіе дарить цѣнныя вещи, подносить во время спектаклей цвѣты, устраивать бенефисы и проч.; другіе — нужные люди, куда относились всѣ, кто такъ или иначе могъ оказать ей услугу; третьи — просто знакомые, обыкновенно молодые люди, съ которыми пріятно поболтать, проѣхаться за городъ и съ которыми нечего церемониться. Что-же касается четвертаго разряда, то сюда могъ попасть только одинъ, самый избранный — тотъ, кого она полюбитъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, она сама говорила. А такъ какъ до сихъ поръ еще не находилось такого избраннаго, то, слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ разрядѣ никого не было.

Впрочемъ, Переверзева могла-бы кое-что возразить противъ этого. Она уже давно замѣтила, что Коростова нѣсколько отличаетъ доктора Радугина отъ всѣхъ другихъ. Переверзева замѣтила это тѣмъ болѣе, что и сама готова была отличать Радугина отъ другихъ. Оттого-то она и сказала Лизѣ, что Радугинъ — ея злѣйшій врагъ. Переверзева не хотѣла ему простить того, что Коростова имъ интересуется, а къ-мъ онъ интересуется, она не знала, да и не

И. В. Радзивилловичъ.
(«Пережитое»).

Л. Ждановъ.
(«Подъ Колесомъ»).

Авторы пьесъ, премированныхъ на конкурсѣ Литературно-Худож. Общества.

могла знать, такъ какъ Радугинъ былъ человекомъ скрытнымъ и со всѣми держалъ себя ровно. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ. Онъ сидитъ рядомъ съ молодой Коростовой, которая время отъ времени наклоняется къ нему, шепчетъ что-то, смѣется, а онъ едва улыбнется ей,

В. А. Кожевниковъ.
(«Дымъ отечества»).

глядитъ на нее спокойно, почти холодно, и говоритъ больше съ матерью, чѣмъ съ дочерью. Переверзева, желая показать Радугину свое полное невниманіе, начинаетъ пентаться съ Васьковымъ, но Радугинъ, повидимому, даже не замѣчаетъ этого, хотя Переверзева отлично понимаетъ, что онъ и замѣчаетъ, и даже недоволенъ ся поведеніемъ, такъ какъ терпѣть не можетъ Васькова. Лизу отдѣлили отъ Переверзевой, и поэтому она чувствовала себя очень неловко. Еще какихъ-нибудь

пять дней назадъ она жила въ совсѣмъ другой обстановкѣ и видѣла совсѣмъ другихъ людей. Тамъ люди хорошо знали другъ друга, но куда больше стѣснялись одинъ съ другимъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ почти всѣ только сегодня познакомились. Какой-то иной порядокъ тутъ, какъ-то иначе говорятъ, какъ-то совсѣмъ иначе смотрятъ. Лиза готова была подражать Переверзевой, но ничего у нея не выходило. А тутъ еще рядомъ съ ней усѣлся Пустовъ, поминутно толкалъ ее то рукой, то ногой, потому что при его фигурѣ ему никакъ нельзя было справиться съ ними, и все говорилъ ей такія вещи, которыхъ она просто не понимала. Напримѣръ, доказывалъ, что Коростова выработала себѣ новые пуанты, — Лиза, никогда въ жизни не бывшая въ балетѣ, не знала этого термина. Но ей не хотѣлось обнаружить свое невѣжество, и она, принужденно улыбаясь, старалась отвѣтить такъ, чтобы Пустовъ думалъ, что она и понимаетъ его разговоръ, и интересуется имъ...

Впрочемъ, Лизу выручилъ Полатинъ. Онъ молчалъ только до тѣхъ поръ, пока выпилъ одинъ за другимъ два стакана чая, а затѣмъ началъ говорить и уже не умолкалъ до ужина. Началъ онъ съ того, что всѣ современные драматурги, кромѣ него, ничего не стоятъ, а кончилъ воспоминаніями о своемъ заграничномъ путешествіи, совершенномъ имъ лѣтъ пятнадцать назадъ. Пустовъ, который считалъ Полатина „головой“ и у котораго онъ учился

иностраннымъ словамъ, добросовѣстно слушалъ его и оставилъ поэтому Лизу въ покоѣ. Это было тѣмъ болѣе кстати, что у Лизы отъ выпитаго утромъ шампанскаго и отъ слишкомъ большого количества впечатлѣній сильно разболѣлась голова.

Послѣ чая начали танцовать, но Переверзева и Лиза танцовали мало. Первая сердилась на Радугина, и ей было не до танцевъ; Лиза же давно ушла бы домой, еслибы только могла уйти безъ Переверзевой.

Ушли онѣ отъ Коростовой около часа. Ихъ провожалъ уже не Котовъ, который вызвался проводить домой сестру Радугина (самъ Радугинъ былъ еще въ одиннадцать часовъ вызванъ къ больному), а Полатинъ, который еще въ передней объявилъ Лизѣ, что, судя по ея лицу, у нея всѣ данныя на сильныя драматическія роли и даже на роль Поликсены, героини его знаменитаго „Растерзаннаго сердца“.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—если будете работать, работать и работать!..

Переверзева на это насмѣшливо улыбнулась и, подражая тону Полатина, воскликнула:

— О, конечно! Мы для того и поступаемъ въ школу, чтобы работать и работать.

— Но какъ-же теперь быть, Лиза? Или мнѣ провожать тебя домой, или ты пойдешь одна съ многоуважаемымъ Семеномъ Сергѣевичемъ? Не хочешь-ли, впрочемъ, ночевать у меня?

Лиза даже испугалась. А что скажетъ Авдотья Никоновна, что скажетъ мать, развѣ это мыслимо? И безъ того ей достанется за то, что она запоздала. Тогда онѣ рѣшили такъ: Переверзева поѣдетъ одна, а Лизу проводить Полатинъ.

— Мы, конечно, пойдемъ пѣшкомъ съ вами,—сказала Полатинъ, беря Лизу подъ руку.—Во-первыхъ, это гигиенично, а во-вторыхъ, я, по принципу, не ѣзжу на извозчикахъ: мнѣ стыдно ѣздить въ то время, когда я знаю, что столько людей ходитъ пѣшкомъ. Наконецъ, я хочу воспользоваться случаемъ и, можетъ быть, буду вамъ полезенъ своими замѣчаніями и совѣтами относительно вашей будущей дѣятельности.

Лиза, однако, приняла это предложеніе безъ особой радости, потому что очень устала, но она стѣснялась высказать свои истинныя чувства и согласилась.

— Да,—началъ Полатинъ,—вы избрали дорогу, можетъ быть, и трудную, можетъ быть, и легкую, смотря по взгляду, но, во всякомъ случаѣ, дорогу серьезную, требующую отъ человѣка и таланта, и ума, и знаній, и добросовѣстности. Артистка, которая не удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ, по моему мнѣнію, ничего не стоитъ. Таково мое принципиальное убѣжденіе. Я иду дальше: чтобы изображать людей на сценѣ, нужно понимать ихъ, а чтобы понимать ихъ, нужно любить ихъ... И вотъ, пусть каждый, кто идетъ на сцену, отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, на сколько онъ способенъ ко всему этому, а иначе пусть и не подходитъ близко къ сценѣ. Таково мое принципиальное убѣжденіе...

Говоря это, онъ уже началъ кричать, при чемъ его рѣзкій, дребезжащій голосъ разносился по улицамъ, а руками онъ размахивалъ такъ, какъ еслибы сражался съ невидимыми врагами. Лиза почувствовала, что еще немного, и она станетъ его бояться. Поэтому она рѣшила болѣе не стѣсняться и попросила нанять ей извозчика.

— Жаль, это заставитъ меня проститься сейчасъ съ вами, такъ какъ я на извозчикахъ не ѣзжу.

И, усадивъ Лизу на перваго попавшагося извозчика, онъ быстро зашагалъ своими длинными ногами по темной улицѣ.

А когда Лиза вернулась домой, она еще въ передней должна была выслушать цѣлый рядъ упрековъ за позднее возвращеніе. Встревоженная долгимъ отсутствіемъ Лизы, Татьяна Викторовна даже не легла спать. Но Лиза была такъ утомлена прожитымъ днемъ, что, противъ обыкновенія, оставила упреки матери безъ отпора.

Арсеній Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо изъ Кіева.

VIII.

«Потемки души», пьеса В. Трахтенберга, была поставлена И. М. Шуваловымъ 7 го апрѣля, въ свой второй бенефисъ.

«Исторія болѣзни Пытосва», другое названіе этой пьесы, имѣетъ на кіевской сценѣ свою исторію. Она была объявлена къ представленію значительно раньше, въ бенефисъ г. Костюкова, но рокъ, преслѣдовавшій въ этомъ сезонѣ почти всѣ новинки, не обошелъ и пьесу г. Трахтенберга: она была снята съ репертуара, и г. Костюкову пришлось удовлетвориться «Простою исторіей», г. Шпажинскаго. А такъ какъ, по крайнему моему разумѣнію, всѣ «исторіи» г. Шпажинскаго и простыя, и сложныя суть достойныя исторіи, если не археологіи, театра, то я ничего о семъ торжествѣ и не сообщалъ.

Но возвратимся къ пьесѣ г. Трахтенберга. А. Р. Кугель своевременно указывалъ на опасность и антихудожественность увлеченія клиническими экспериментами, какъ-бы ни казались заманчивыми и легкими успѣхи на этой почвѣ, для драматическихъ писателей и актеровъ. Въ сущности, всякое изображеніе патологическихъ процессовъ человѣческой психики можетъ имѣть мѣсто въ художественныхъ произведеніяхъ лишь по столько, по сколько эти патологическія измѣненія являются результатомъ воздѣйствія на нормальную человѣческую личность неизмѣняемыхъ и независимыхъ отъ нея условій, опредѣляющихъ ея существованіе въ данной средѣ. Изображеніе-же такого рода явленій, какъ художественной самоцѣли, есть крайнее заблужденіе. Возьмемте всѣмъ извѣстное превращеніе титулярнаго совѣтника Поприщина въ короля Фердинанда VIII и вдумаетесь въ причины этой метаморфозы? Вѣдь, если намъ скажутъ, что у него дѣлъ былъ алкоголикъ, а «покойная тетуска, вотъ именно, Варвара Ивановна бѣжала съ архитекторомъ... и тому подобное», то это врядъ-ли уяснитъ намъ что нибудь, кромѣ того, что всякое явленіе возникаетъ не зря, а имѣетъ, такъ сказать, свою законнопричинность. Но эта биологическая исторія даннаго факта нашему чувству не говоритъ ничего.

Совершенно другое дѣло, если намъ дадутъ почувствовать, что условія данной среды были таковы, что для всякаго Афанасія Ивановича, сознаващаго себя не только чиномъ IX класса, но и нравственно свободной, законо-отвѣтственной человѣческой личностью, превращеніе въ Фердинанда VIII стало-было неизбежнымъ...

У большинства навѣрное зашемитъ тогда сердце отъ страха и состраданія, и духъ древней трагедіи невидимо, но властно пронесется въ зрительномъ залѣ.

Но когда на нашихъ глазахъ по всѣмъ правиламъ клиническаго наблюденія, сходитъ съ ума директоръ гимназіи Пытоевъ, отъ того-ли, что ему жена измѣняетъ, отъ того, что это у него наслѣдственное, намъ становится жутко и неприятно. Оно, конечно, жаль человѣка, но съ другой стороны, что подѣлаешь, коли это у него наслѣдственное? Похвалить бы его, что-ли, можетъ еще и поправится? Да, жена измѣняетъ, симптомъ обостряющій... Ну, что-же, выдать ей отдѣльный видъ на жительство, если не хочется срамиться процессуальными подробностями формальнаго развода... Но въ чемъ-же тутъ драма? Вѣдь не Мавръ Венеціанскій, въ самомъ дѣлѣ, служащій по министерству народнаго просвѣщенія,—статскій совѣтникъ Пытоевъ... Драма здѣсь есть несомнѣнно, но только не тамъ, гдѣ ее полагаютъ. Дѣло не въ томъ, что раздвоился нѣкто Пытоевъ, какъ индивидуумъ, страдающій наслѣдственной и благопріобрѣтенной склонностью къ галлюцинарному упомѣшательству, дѣло въ типичномъ раздвоеніи современной интеллигентной души.

Возьмите хотя-бы того-же Пытоева. Онъ несомнѣнный интеллигентъ, всосавшій съ молокомъ матери правила буржуазной морали. Безсознательно руководясь ими, онъ совершенно искренно считалъ себя просвѣщеннымъ, гуманнѣйшимъ и вообще вполне порядочнымъ человѣкомъ. Но въ душѣ онъ оставался совершеннымъ эгоистомъ съ чисто зоологическими инстинк-

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

тами, которые, разъ проснувшись, и придя въ дѣятельное состояніе, какъ всякая активная и самодовлѣющая сила, сокрушили его прописную мораль и его самого. Это типично половинчатая душа нашего времени. Она раздвоилась гораздо раньше наблюдаемаго момента, еще тогда, когда ея обладатель былъ инспекторомъ гимназій и, переживая студенческія воспоминанія объ укушенномъ пальцѣ, подыскивалъ барышнѣ уроки и давалъ въ займы накопленные капиталы... А какъ характерно его объясненіе съ женой въ VIII явленіи II дѣйствія. Екатерина Васильевна, кстати сказать, такъ жестоко и несправедливо разруганная въ «Новомъ Времени» В. К. Петерсеномъ, все время покорно поступавшая своими вождѣленіями душевнаго ради спокойствія г. Пытоева, выдумала себѣ въ утѣшеніе совершенно несообразную, головную теорію «безопасной любви». Стоило ей только сообщить объ этомъ супругу, Боже мой! какъ онъ вознегодовалъ! Вѣдь это шло совершенно въ разрѣзъ съ прописями. Неугодно-ли:

Пытоевъ. «А я-то, дуракъ, вѣрилъ и вѣрю, что именно любовь дѣлаетъ человѣка болѣе мягкимъ, и менѣе эгоистичнымъ!»

Когда же, сбита съ толку этой горячностью, жена скромно сознается, что и ей дескать эта теорія еще не совсѣмъ ясна, что она тоже по своему любила ее... какъ г. Пытоевъ со злораднымъ самодовольствомъ восклицаетъ: «Разумѣется по своему! по той мерзкой теоріи, которую ты себѣ теперь выдумала, я любить не могу и не хочу!»... Это очень благородно, но чрезвычайно живо. Всѣ отношенія г. Пытоева къ собственной супругѣ опредѣлялись словомъ: «моя». Какъ бы высоко на словахъ ни леталъ г. Пытоевъ, на дѣлѣ онъ садился довольно низко. И вотъ этой-то любопытной половинчатостью современной интеллигентной души стоило бы заняться по-дробнѣе и разработать ея драму иначе. Стоило-бы только г. Пытоеву сознать низость своихъ дѣйствительныхъ побужденій въ его усиліяхъ сохранить съ женой *statu quo*, сознать, не отводя себѣ глазъ прописной моралью и дешевымъ благородствомъ несуществовавшаго великодушія, онъ попалъ бы въ тиски такой драматической коллизіи, передъ которой поблѣднѣли бы всякія галлюцинаціи. Вѣдь разъ онъ въ собственныхъ глазахъ передъ неподкупнымъ голосомъ сознанія утратилъ бы свое культурное опереніе, его безвольная половинчатая душа должна была неизбѣжно померкнуть, какъ китайскій фонарикъ, захваченный внезапно порывомъ вѣтра. Тогда была бы драма, теперь только клинической этюдъ, интересный для невропатолога, но угнетающе тяжелый для театальной публики. Не даромъ на второмъ представленіи этой пьесы въ театрѣ было совсѣмъ пусто.

Г. Шуваловъ въ заглавной роли игралъ, какъ всегда, сценически интересно, съ большимъ нервнымъ подъемомъ, но вѣрно или не вѣрно трактовалъ онъ «болѣзнь Пытоева», я, не будучи психіатромъ и, лично самъ ни разу съ ума не сходя, судить не берусь...

Горавдо большимъ оживленіемъ сопровождалось представленіе «Рабынь веселья» В. В. Протопопова. «Поясъ стыдливости» Н. Н. Соловцовъ развязалъ, какъ говорили въ театрѣ, ради большого актера Крамского, въ бенефисъ котораго шла эта пьеса. Театръ былъ набитъ биткомъ, но послѣ II, а особенно послѣ III дѣйствія съ галерки свистали и шикали довольно энергично. Въ партерѣ же сокрушались о томъ, что «стиль» былъ недостаточно выдержанъ, какъ напримѣръ, въ Харьковѣ.

Мудрый «Кіевлянинъ», обыкновенно все больше ободряющій и ободряющій Н. Н. Соловцова, въ виду явнаго нарушенія общественной тишины, помѣстивъ на другой день замѣтку, которую мы приводимъ во всей ея дипломатической уклончивости: «Комедія В. В. Протопопова, рисующая закулисную жизнь кафе-штантаннаго мірка, прошла 7 апрѣля въ театрѣ «Соловцовъ» при явно выраженныхъ протестахъ публики... Послѣ второго и третьяго актовъ пьесы, зрительный залъ, переполненный публикой, огласился энергичнымъ шиканьемъ и свистомъ. Актеры прекрасно исполняли свои роли, и эти протесты публики очевидно относились къ пьесѣ, слишкомъ ужъ реально изображающей всю пошлость кафе-штантаннаго нравовъ».

Сезонъ закончился «Ревизоромъ».

Н. Николаевъ.

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ. Первый сезонъ антрепризы г. Незлобина прошелъ у насъ мало замѣтно. Труппа была подобрана довольно ровная, но не сильная. Если бы не это, то можетъ быть стремленіе антрепренера,—скорѣе мецената, чѣмъ промышленника,—поставить нашъ театръ въ художественномъ отношеніи на болѣе высокую ступень, чѣмъ стоятъ прочіе театры въ среднихъ провинціальныхъ городахъ, это стремленіе, говорю я, можетъ быть, и имѣло бы успѣхъ. Впрочемъ, для этого потребовалось бы еще одно условіе—образованный режиссеръ. Я думаю, что прошло или, по крайней мѣрѣ, проходило былое время, когда всякій опытный актеръ, только потому что онъ «опытенъ», т. е. видѣлъ, какъ такіе то ставили, а такіе-то играли такую-то пьесу, можетъ быть режиссеромъ. Требования сцены гораздо шире простыхъ техническихъ распоряженій о разстановкѣ мебели, объ улучшеніи грома и вѣтра, да о «мѣстахъ» и перемѣнкѣ ихъ дѣйствующихъ лицами. Отъ восхищенія игрою отдѣльныхъ лицъ публики давно уже, еще до появленія московскаго художественнаго театра съ его «новымъ словомъ», стала требовать ансамбля и даваемого имъ духа пьесы (общаго впечатлѣнія). Требования эти выросли теперь, въ особенности въ Нижнемъ, который видѣлъ хорошія труппы у себя, да и знакомъ и съ театромъ г. Станиславскаго и съ его задачами на половину по личнымъ впечатлѣніямъ—Нижній вѣдь нѣчто вродѣ пригорода Москвы—а на половину по слухамъ да по газетамъ. Чтобы удовлетворить эту вновь назрѣвшую потребность, необходимо имѣть именно образованнаго режиссера, литературно образованнаго. У г. Незлобина этого не было, и потому новый репертуаръ, котораго онъ держался, не оставилъ по себѣ никакаго памяти.

Въ настоящее время г. Незлобинъ рѣшился сдѣлать нѣкоторое нововведеніе: почти всю труппу онъ пригласилъ на годовые оклады съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность начать репетиціи задолго до открытія сезона, по крайней мѣрѣ за два мѣсяца. Къ сожалѣнію, въ этихъ репетиціяхъ не приметъ участія премьеръ труппы, г. Петипа, приглашенный на небывалый для провинціи окладъ въ 1,100 руб. въ мѣсяцъ (окладъ сезонный, не годовой). Съ его репертуаромъ—а у него, конечно, *свой* репертуаръ—такимъ образомъ повторится старая исторія: пьесы будутъ ставиться съ одной-двухъ репетицій для вящей славы премьеры и для посрамленія всей труппы. Можно предвидѣть и другое положеніе, а именно что г. Петипа придется вести *весь* репертуаръ—такъ было, по крайней мѣрѣ, при г. Далматовѣ, когда публика плохо посѣщала спектакли безъ его участія. Тогда г-нъ Петипа, не репетировавъ съ труппой *ел* репертуара до открытія сезона, вынужденъ будетъ играть съ одной-двухъ репетицій, т. е. ансамбля не получится, и вся лѣтняя работа труппы пропадетъ зря.

Какъ выйдетъ изъ этого положенія г. Незлобинъ, несомнѣнно одушевленный самыми лучшими намереніями, покажетъ будущее. Хотѣлось бы, чтобы его опытъ нововведеній въ театральное дѣло далъ хорошіе результаты, такъ какъ онъ можетъ имѣть вліяніе на постановку театральнаго дѣла въ провинціи вообще.

Великій постъ у насъ прошелъ тихо: театръ былъ пустъ, а во всесловномъ клубѣ давались маленькими актерами драматическіе спектакли, не имѣвшіе успѣха даже у невзыскательной клубской публики. На будущій сезонъ г. Незлобинъ снялъ и сцену всеобщаго клуба, гдѣ въ прошлую зиму пожинала славу и сборы хохлатская труппа г. Ванченко, который поставилъ дѣло болѣе чѣмъ небрежно—съ плохимъ хоромъ, съ утировкой комическаго элемента, доходившей до гаерства даже въ такихъ веселыхъ пьесахъ, какъ «Сорочинская ярмарка».

Въ настоящее время въ городскомъ театрѣ играетъ оперетка товарищество подъ управленіемъ г. Завадскаго, съ участіемъ г-жи Бауэръ, г. Чабана, Жилина и др. Первый спектакль, 2 апрѣля, собралъ совершенно полный театръ. Шла «Гейша», повидимому, съ одной репетиціи. Хоръ оказался ниже всякой критики. Изъ солистовъ нравится г-жа Бауэръ. Оперетку смѣнитъ опера г. Бородея на 6 спектаклей.

Что будетъ лѣтомъ,—неизвѣстно. Есть слухи, что ярмарочный театръ г. Фигнера не будетъ функционировать, такъ какъ владѣлецъ не успѣетъ его отремонтировать согласно требованіямъ администраціи. Что ремонтъ и даже радикальная передѣлка этого театра старой постройки нужны, это вѣрно; что своевременно ремонтъ не будетъ сдѣланъ,—это также вѣрно, такъ какъ г. Фигнеръ и не приступалъ къ необходимымъ работамъ; но что изъ за этого ярмарочный театръ будетъ закрытъ на предстоящій сезонъ,—это мы не вѣримъ: на ярмаркѣ вѣдь помимо этого театра никакихъ привлеченій нѣтъ, городской же театръ не можетъ удовлетворить ярмарочную потребность.

РЯЗАНЬ. Въ трехъ верстахъ отъ центра Рязани въ мѣстности населенной, преимущественно, желѣзнодорожными служащими, фабричными и заводскими рабочими, уже три года

дѣйствуетъ народный театръ О-ва устройства народныхъ развлеченій. Общество процвѣтало, богатѣло, открылись, прекрасно обставленные, чайная и столовая, устраивалась богатая народная читальня. Столовая, чайная и читальня, конечно, давали убытки, но театръ съ преданными дѣлу любителями, управляемый опытнымъ руководителемъ и знатокомъ театра Д. П. Балашовымъ дѣлалъ прекрасные сборы, такъ напримѣръ: за сезонъ прошлаго 1900 года, не смотря на холодный май и на дождливый августъ, чистый сборъ выразился въ суммѣ около 1700 руб. Въ концѣ прошлаго лѣта Балашовъ уѣхалъ за границу и общество передало управление театромъ одному изъ членомъ комитета барону Н. В. Дризена, пригласившему въ помощники артистку М. А. Крестовскую, назначивъ ее режиссеромъ труппы любителей и давъ ей неограниченныя права. Г-жа Крестовская ставила пьесы исключительно для себя. Среди любителей росло недовольство и мало-по-малу труппа ихъ распалась. Чтобы удержать хотя нѣсколькихъ, Общество «недостаточнымъ», стало выдавать разовыя (отъ 3 до 5 руб. Дефицитъ выразился въ суммѣ около 400 руб. Между тѣмъ А. Балашовъ и большинство любителей перешли въ Общество трезвости, открывающее скорѣй свой театръ въ центрѣ города на мѣстѣ и въ зданіяхъ бывшей здѣсь прошлой осенью сельско-хозяйственной выставки. Поэтому Обществу народныхъ развлеченій пришлось волей-неволей приглашать актеровъ или сдать театръ предпринимателямъ. Последніе явились въ лицѣ гг. Половцева и Линскаго, съ режиссеромъ А. Крамовымъ. Снявъ театръ за 15% валового сбора, они составили небольшую труппу. Приглашены г-жи: Кручинина, Лавронская, Линская, Попова, Понятовская, гг. Сѣровъ (премьеръ), Линскій (фатъ), Крамовъ (характерн. и комикъ), Соколовъ (благор. отецъ и характ.), Страховъ и Гагаринъ (маленькія роли).

Общаются гастроли.

15 апрѣля состоялось открытіе лѣтняго сезона. Шли «Сколы и Вороны». Пьеса прошла вяло, со слабымъ ансамблемъ. Г. Крамовъ, выказавшій комическій талантъ въ роли Штопнова, не сумѣлъ выдвинуть нѣкоторые эффекты пьесы. Кручинина (Застражаева) вела роль вяло, безъ подъема, успѣшно кокетничала съ публикой. Лавронская (Антонина) была не на мѣстѣ: манера говорить и держать себя некрасивая, голосъ суховатый. Линская (Ольга) и Понятовская (Лизавета Ѳоминишна) имѣли успѣхъ, особенно Понятовская. Сѣровъ, очевидно, мало опытный актеръ съ постоянной улыбкой на плохо загримированномъ лицѣ. Особеннаго впечатлѣнія не произвелъ даже въ такой выигрышной роли какъ Зеленевъ. Линскій (Тюряниновъ) былъ-бы недуренъ, но еврейскій типъ и даже легкой акцентъ и какая-то странная манера подпрыгивать, мѣшала его успѣху. Застражаевъ (Соколовъ) взялъ сухой дѣловой тонъ и не сумѣлъ измѣнить его даже въ горячихъ сценахъ.

Шутка «Она его ждетъ» прошла живо и весело, благодаря хорошему исполненію и ясной выразительной читкѣ г-жи Поповой, оказавшейся очень недурной комической актрисой съ нѣсколько тяжеловатой фигурой. Артистовъ вызывали, много аплодировали.

Н. Н.

СИМФЕРОПОЛЬ. Еще въ прошломъ году окончился срокъ аренды городского сада съ находящимися въ немъ лѣтнимъ театромъ, буфетомъ и проч. постройками. Вновь возобновить контрактъ съ прежнимъ арендаторомъ г. Новиковымъ городское самоуправленіе, по особымъ причинамъ, не пожелало и

рѣшило эксплуатировать его хозяйственнымъ образомъ. Для выработки правилъ въ февралѣ была избрана думою особая коммисія.

Между прочимъ, рѣшено просить дирекцію городского клуба уступить въ временное пользованіе передній занавѣсъ и декорации съ клубной сцены впрядъ до изготовленія новыхъ городомъ, такъ какъ прежній арендаторъ увезъ всѣ декорации и пристановки изготовленныя имъ. Пспектакльная плата назначена отъ 60 до 100 руб., въ которую входятъ электрическое освѣщеніе, билетеры, швейцары и садовая прислуга.

Кромѣ того предположено раздѣлить вечера въ городскомъ салу на двѣ категоріи—вечера съ музыкой и на вечера съ театральными представленіями, при чемъ на музыкальные вечера входъ въ городской садъ допустить бесплатный, а на вечера съ театральными представленіями понизить входную плату въ садъ до возможнаго минимума, для чего и входить въ соглашенія съ антрепренерами театра. Въ видахъ же привлеченія солидныхъ труппъ печатать въ газетахъ объявленія о сдачѣ на этотъ лѣтній сезонъ лѣтняго театра въ аренду.

Очень жаль, что рѣшеніе это послѣдовало такъ поздно и нашему городу, вѣроятно, суждено остаться безъ какой-либо труппы и волей-неволей придется лицедрѣть оскомину на бывшихъ любителей подъ «режиссерствомъ» любителей-же г. Кузнецова.

Фасъ.

ТАМБОВЪ. Со второй недѣли поста здѣсь давала спектакли малороссійская труппа подъ управленіемъ г. Фигнеръ (!)-Бурлаченко. 23 марта товарищество закончило свою дѣятельность изряднымъ дефицитомъ. Составъ труппы очень слабый, и можно подивиться, какъ рѣшился съ подобнымъ составомъ прѣхать сюда г. Фигнеръ (!). Изъ исполнителей выдѣлялись г-жа Вержбицкая и г. Фигнеръ-Бурлаченко, играющій съ балаганнымъ пошибомъ. Хоръ маленький; оркестръ—мѣстный, военный, часто звучащій въ диссонансъ съ хоромъ. Обстановка и постановка пьесъ—ниже всякой критики. Не помогли даже «Рабыни веселья». Впрочемъ, объ этомъ спектаклѣ лучше и не говорить, такъ какъ слабѣе что-нибудь трудно себѣ представить.

Съ большимъ успѣхомъ прошелъ 17 марта концертъ г. Власова и Аверской.

Съ 3 апрѣля анонсированы 10 спектаклей опернаго товарищества подъ управленіемъ капельмейстера Н. А. Миклашевскаго.

Составъ товарищества: Е. Ф. Левандовская (драм. сопр.) А. И. Кунцева (лирико-колоратурное сопрано), С. А. Булгакова (лир. сопр.), Е. М. Дежанова (драм. меццо-сопрано), З. М. Рудина (меццо-сопрано, контральто), М. Ю. Зорина (компримарио). Муж. перс. С. М. Полевой (драм. теноръ), Ф. А. Ошустовичъ (теноръ mezzo-cantate), Е. Э. Евгеньевъ-Дарскій (лир. теноръ), Л. А. Чаадаевъ (2-й теноръ), М. Г. Рышковъ (драм. бар.), П. И. Полуяновъ (лир. бар.), В. Н. Трубинъ (басъ, быв. арт. Импер. театр.), И. П. Барсовъ (basso profundo), В. К. Парцановъ (2-й басъ), Б. И. Залипскій (компримарио). Капельмейстеръ Н. А. Миклашевскій, режиссеръ Е. И. Шастанъ, хормейстеръ Е. А. Гольдштейнъ, прима-балерина М. И. Рубцова, оркестръ изъ 25 чел., хоръ изъ 30 чел.

Открытъ абонементъ на всѣ спектакли.

И. З.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

ВЯТСКІЙ ТЕАТРЪ

Сдается на зимній сезонъ. Плата, съ буфетомъ и вѣшалкой, 1200 рублей. Задатокъ 250 рублей. Желающіе арендовать обращаются: Вятка. Предсѣдатель Общества Владѣльцевъ Концертнаго Зала Василию Александровичу Шубину. Телеграфомъ Вятка, Предсѣдатель Шубину. Подробности о театрѣ въ Агентствѣ Разсохиной.

№ 4379 2—1.

Е. Д. Южановъ—любовникъ, герой—свободенъ на лѣтвй и зимн. сезоны. Г. Харьковъ, Армянскій пер. № 9.

№ 4377.

3—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на изданіе КНИГА 2-го СЪѢЗДА сценическихъ дѣятелей

Изданіе журнала «Театръ и Искусство». «Книга» будетъ состоять изъ двухъ частей: неофициальной, со многими иллюстраціями, статьями и характеристиками и официальной (подъ ред. коммисіи по организаціи Съѣзда), заключающей протоколы, труды и доклады Съѣзда.

Цѣна общаго тома въ подпискѣ—2 руб., для подписчиковъ журнала 1 р. 80 к. съ пересылкой. При заявленіи о подпискѣ можно прилагать 1 р., наложивъ на остальные деньги платежъ. По выходѣ въ свѣтъ, цѣна на книгу будетъ увеличена.

Деньги адресуются въ контору журнала
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Моховая, 45.

ФРАНЦУЗСК. ЦВѢТЫ, ЗЕЛЕНЬ И ПРИНАДЛЕЖН. КЪ НИМЪ.

ФАБРИКА НЕВСКІЙ и СКЛАДЪ №34
Р. ЛЮТЕРМАНЪ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ БЕЗПЛАТНО.

№ 3351. 26—11.

Полтавская Городская Управа, назначивъ на 16 число
Апрѣля мѣсяца въ 12 часовъ дня въ своемъ помѣщеніи

ТОРГИ

на отдачу въ аренду **городского сада**, приглашаетъ желающихъ принять
участіе въ торгахъ, присовокупляя, что арендатору можетъ быть предоставлена
постройка въ саду лѣтняго театра. Кондиціи можно разсматривать ежедневно
3—3 въ Канцеляріи Управы въ присутственные дни. № 4371.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.
№ 133 52 — 34

Музыкальныя шкатулки

ФОРТУНА

Звучный, пріятный тонъ.
Прочная конструкція.
Изящная отдѣлка.

Съ ручкой 6 р. Ноты по 25 к.

Заводныя въ 12, 18, 30, 50, 75,
100, 125, 150, 175, 200,
225, 250, 300 руб. и доп.

Ноты къ нимъ по 25, 30, 50, 90 коп., 1,
1 1/2, 2, 3 руб. и дороже.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

С.-Петербургъ. В. Морская, 34. Мясна, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черные, каштановый и темнорусый.

Краска „НАТУРЕЛЬ“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требуется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія Г. ГОЛЛЕНДЕРА“, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13. № 3322. 30—27.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ
для смягченія кожи
ЛИЦА И РУКЪ
КРЕМЪ
АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДІО
МАЛ. ФЛ. 60 К. БОЛ. ФЛ. 1 Р.
главный складъ **В. КРЕМЕРЪ**
МОСКВА НИКОЛЬСКАЯ,
Д. БР. ЧИЖОВЫХЪ.

№ 3352. 12—12.

ЖОРЖЪ ПЕДДЕРЪ Парикмахеръ

Императорскихъ С.-Петербургскихъ
Театровъ.

Гримъ въ карандашахъ для гг. артистовъ
собственнаго приготовленія, съ разрѣшенія
Спб. Врачебн. Управл. 18 октября 1883 г.
за № 2752.

Принимаетъ заказы на парики и бороды
для театровъ и любителейскихъ спектаклей.
Исполненіе заказовъ аккуратное. Иного-
роднымъ высылаю наложен. платежѣмъ по
полученіи задатка. Прейсъ-курантъ по тре-
бованію бесплатно.

Спб. Невскій просп., Пассаажъ, 57.
№ 4375. 20—2.

КИШИНЕВЪ.

Театральный залъ Благороднаго Собранія

роскошно устроенный, съ хорошей сце-
ной, электрическимъ освѣщеніемъ и на-
ходящійся въ центрѣ города, свободенъ
отъ антрепризы и сдается на лѣтній и
зимній сезоны, а также временнымъ га-
строльнымъ труппамъ и концертантамъ.
Условія узнать въ дирекціи Собранія.

№ 4373. 5—2.

Лучшее косметическое средство, дѣлающее
лицо свѣжымъ и чистымъ.
Источникъ красоты.
Патентъ въ Англіи.

Кремъ КАЗИМИ
Метаморфоза
противъ ВЕСНУШЕКЪ.
Единств. доказа-
тельство подлин-
ности — подпись:
Calzimi
Везъ этой подписи — поддѣлка.
Продается во всѣхъ аптекахъ, ап-
текъ и парфюм. магазинахъ.
Главн. склады въ Торгов. Домѣ
И. Б. СЕГАЛЬ
въ Вильнѣ и Одессѣ.

Ввиду появившихся поддѣлокъ „Метамор-
фозы“ Изобрѣтатель Calzimi представилъ
добавочный новый рисунокъ для планетовъ.

„ИСТОЧНИКЪ КРАСОТЫ“
„МЕТАМОРФОЗА“

утвержд. Департ. за № 4683
Торг. и Мануфак.

который будетъ опубликованъ въ
иллюстр. журналахъ и на планетахъ.
№ 3307 3—2.